

Ованес Туманян

Избранная проза

РАССКАЗЫ
СКАЗКИ
СТАТЬИ

Издательство „Советакан грох“
Ереван—1977

Предисловие А. Дымшица
Примечания Л. Ахвердяна

Кудожник А. Яралян

Суперобложка и форзац Ал. Григоряна

Печатается по тексту: Ованес Туманян. Избранные произведения
в трех томах, Ереван, «Айастан», 1969 г.

Ар. 1

Т 83

Т $\frac{70303 (34)}{701 (01) 77}$ 76.186 «М»

© Издательство «Советская Арцах», перевод на русский язык, 1977

Проза поэта

1

Ованес Туманян писал в различных прозаических жанрах, — он писал рассказы и сказки, публицистические статьи и художественно-критические эссе.

И во всех этих жанрах он всегда был художником.

Вряд ли нужно доказывать, что рассказы и сказки О. Туманяна принадлежат к замечательным произведениям армянской художественной прозы и что его проза поэтична. Это давно и широко известно, это признано еще с начала художественного пути писателя.

Но и в статьях своих Туманян-публицист одновременно и мастер поэтической прозы. Он писал свою публицистическую прозу в «раскованной» стилистике, писал в свободной манере, прибегая к выразительным художественным образам и сравнениям, писал в высшей степени эмоционально, выстраданно, — в его статьях кипела и бушевала страсть, — и то была страсть поэта-гражданина, писателя-борца, для которого искусство (в том числе и искусство публициста) — всегда оружие борьбы за высокие идеи и идеалы.

Его статьи и рецензии, его раздумья об искусстве написаны в лирической манере, в них объективный анализ явлений искусства всегда освещен глубоко личным, творческим отношением писателя к проблемам, которые его волнуют. И слово в них — это слово художника.

По самой сущности своей натуры Ованес Туманян был именно художником. То была натура цельная, высоко идейная, проникнутая благородной страстью общественника. Выходец из народной среды, он всю жизнь оставался с народом, жил его интересами, в своей кровной привязанности к нему черпал силы для борьбы и творчества, в его органическом оптимизме находил источники собственного оптимизма.

Туманян был писателем глубоко национальным, через сердце которого прошли скорбь и муки многострадального и великого народа, его черные тяготы и светлые надежды. И это во многом определяло цельность общественной натуры писателя, последовательность его воззрений, народный характер его творчества. Социальная позиция писателя, который мог бы сказать о себе словами Генриха Гейне — «Я — меч! Я — пламя!», обуславливала и направление его эстетического развития, и ту естественность, с которой его идейные стремления находили себе соответствующую художественную, выразительную форму.

У этого писателя все эстетические решения — структура его прозаических произведений, их стилистика и язык, — художественная цельность и стройность его произведений, — выступали как прямое выражение цельности, монолитности его натуры, социальной позиции, духовного мира.

Можно сказать, что поэтический мир Ованеса Туманяна являлся художественным воплощением мира его общественно-политических и нравственно-философских воззрений.

2

Истинный художник — всегда особенная творческая индивидуальность, всегда яркая и самобытная личность, или, как писал Энгельс, используя терминологию Гегеля, — он, тот, этот.

Ованес Туманян — личность особенная, его не спутаешь ни с кем из великих.

И вместе с тем настоящий, большой художник всегда вырастает на почве богатых эстетических традиций. Он вдохновляется жизнью, борьбой и мечтой, но никогда не отворачивается от знания, от наследства, от учебы.

У Ованеса Туманяна были поистине богатые литературные традиции.

Он был в полном смысле этого слова хозяином всех художественных ценностей, выработанных до него родным народом в области литературы и языка. Он был замечательным знатоком армянского фольклора, творчества Нарекаци, Кучака, Саят-Новы, он видел своих предшественников в Х. Абовяне, М. Налбандяне, в Р. Патканяне, Г. Сундукяне и Раффи. Он вырос на почве национальной жизни и национальной литературы. И вместе с тем он впитал в себя традиции мировой литературы и, прежде всего, литературы русской, которую любил всем сердцем.

В письмах к Лео и к Юрию Веселовскому, поставившими перед ним вопрос — какие великие художники оказали особое

влияние на его творчество. О. Туманян подробно рассказал о значении русской литературы для формирования его творческой личности. Он писал в этих письмах и в некоторых статьях, что многому научился у Пушкина и Лермонтова. Но в тех же письмах Туманян писал, что не хотел бы сводить отношения художника к художнику только к влияниям одного на другого.

В своем знакомстве с прекрасными произведениями мировой литературы Туманян видел, естественно, процесс духовного — нравственного и поэтического — обогащения, находил важнейшие общественные и эстетические «возбудители». Но как художник, всегда стремившийся к самостоятельности, он не поддадал под прямые воздействия (они — удел эпитогов!), а воодушевлялся высокими примерами, черпал творческие уроки, получал духовную поддержку для собственных исканий.

И если так было у Туманяна с Пушкиным, Грибоедовым, Лермонтовым, с Некрасовым и Беллинским, с Толстым и Достоевским, с Чеховым и Короленко, то так же складывались его отношения к Шекспиру и Сервантесу, Руставели и Байрону, Гете и Гейне. Да, он учился у них, но учился не как примерный ученик или робкий копиист, а как мастер у мастеров.

Поэтому в прозе Ованеса Туманяна было бы тщетно искать следы непосредственных влияний великих писателей разных народов на этого великого писателя армянского народа. Он был замечателен своей творческой оригинальностью, своей художественной самостоятельностью.

Сонм гениальных писателей прошлого окружал его в часы раздумий и труда, стоял перед глазами, обогащал его мысль, осенял его вдохновение. Но гений Туманяна выступал в его произведениях как глубоко самостоятельный художественный феномен, и писал Туманян, творчески опираясь на традиции, развивая их, а не просто подчиняясь их власти.

Даже тогда, когда великий армянский писатель занимался обработками так называемых бродячих сюжетов и мотивов фольклора, он не переставал творить самостоятельно, художественно обогащая фабульное содержание, композицию, образы, диалоги произведений народной словесности.

Жанровый диапазон и художественная палитра Туманяна-рассказчика широки и богаты. Его темы кровно связаны с крестьянской жизнью. Автор-повествователь выступает в рассказах о крестьянской жизни как человек из народа, как демократ.

По своим жанровым особенностям рассказы О. Туманяна разнообразны: от сложных и больших повествований социально-психологического характера с остро драматическими сюжетами до маленьких новеллистических вещей—зарисовок с натуры, в которых звучат слова и реплики, почерпнутые из народного, крестьянского обихода.

В рассказах позиция автора иногда выражена открыто, прямо, лирично. Такова она, например, в рассказах «Мой товарищ Несо»,—этом скорбном и гневном произведении о глетворном влиянии социальных условий и среды на нравственно чистого человека,—и «Олень», рассказе полном горячего гуманистического чувства. Иногда же рассказы написаны с расчетом показать жизнь, как бы взятую врасплох, нарочито непрокомментированную—и тогда образ повествователя уходит в тень, в сторону. Авторское отношение к событиям остается как бы скрытым, но и в таких рассказах оно присутствует и никаких сомнений в своем характере не вызывает.

В своих рассказах Ованес Туманян—великий мастер литературы критического реализма, мастер обличения социального зла, выразитель сильных, прогрессивных, демократических идей и чувств.

Кто среди народных читателей его времени мог оставаться равнодушным к написанной с такой глубиной проникновения в трагедию истории эксплуатируемого и гравимого в купеческом доме крестьянского мальчика (рассказ «Гижор»)? У кого в народе не пробуждал чувство сострадания к человеку и негодования против гнусной действительности рассказ «Честь бедняка», полный сурового драматизма (рассказ этот был замечательно переведен на русский язык Степаном Шаумяном)? Сколько реалистической силы, юмора и нежности находили читатели в рассказе-сценке «О том, как пришла железная дорога»!

Да, рассказы Ованеса Туманяна не могли не волновать современников, ибо вторгались в современные общественные отношения, звучали остро социально, в сущности—революционно. Но они волнуют читателей и сегодня,—люди хорошо знают, что старый мир еще существует, существует со всеми теми уродствами, к борьбе с которыми звал и зовет голос великого писателя. К тому же социальное содержание этих рассказов общечеловечно,—в них живет чистая и благородная любовь к людям труда, в них ярко выражен пафос дружбы между народами (в частности, в таких превосходных рассказах как «Ахмат» и «Пари») в них столько высокой поэзии природы (сошлюсь, для примера, на рассказ «Сверчок»).

Есть у Туманяна и рассказы-сценки, рассказы-зарисовки с натуры. Некоторые из них замечательно характеризуют комических стариков,—таких, как дед Габо, специалист по разведению шел-

ковичных червей, дядя Хечан, наивный и обидчивый сельчанин, дядя Несо, говорливый и невежественный.

Но образы эти далеко не просто комичны, — они трагикомичны. И автор пишет их, улыбаясь сквозь невидимые миру слезы. За юмористическими рассказами старичков-мужичков нельзя не угадать трагедию народа, — армянского крестьянства, обреченного в условиях гнета на невежество, порою ведущего к бедам и несчастьям (как в рассказе «Каменная баня»).

В рассказах Ованеса Туманяна все — сама жизнь, все правда, все живо и неподдельно. Решительно все в них реалистично и поэтично — и быт народный, и слово народное, и — уж конечно — горе народное. И все овеяно духом высокой гуманности, состраданием к униженному человеку, борьбой за Человека с большой буквы.

4

Фольклоризм Туманяна — упорная, многолетняя работа писателя над произведениями устного народного поэтического творчества, над их изучением и обработкой, — дал прекрасные результаты.

Детские и взрослые читатели самых разных национальностей уже много десятилетий восторгаются сказками, легендами, притчами, рассказанными О. Туманяном по мотивам фольклора. Не случайно увлекся фольклорными жанрами в творчестве Туманяна такой замечательный русский поэт, такой мастер поэзии для детей и художественного перевода, как С. Я. Маршак.

В своих обработках произведений фольклора Ованес Туманян выступал во всеоружии знания самых разных их национальных вариантов. Он учитывал и опыт работы литераторов-сказочников над фольклором, опыт таких мастеров литературы, как Пушкин, Лев Толстой и Мамин-Сибиряк, как Гете, Перро, Андерсен. Туманян сводил воедино лучшее, что находил в разных вариантах сказок и преданий, особо всматриваясь и вдумываясь в своеобразие родного армянского устно-поэтического творчества народа.

В притчах Ованеса Туманяна мотивы народной сатирической сказки органично сплетаются с мотивами народной волшебной сказки. Народный гнев по отношению к угнетателям чувствуется в большинстве этих сказок Туманяна. Ярко выступает в них тема превосходства народного трудового человека над угнетателем (антицаристская сказка «Кувшин с золотом», антикупеческая сказка «Хозяин и работник»). В сказках Ованеса Туманяна живет и действует родственный по духу Уленшпигелю или Молле Насреддину веселый, смекалистый, всепобеждающий народный герой.

живое воплощение оптимистического мироотношения трудящихся, носитель их лучших надежд и чаяний.

Есть у Туманяна назидательные притчи с моралью веселой и ненавязчивой, лишенной какого бы то ни было дидактизма («Глувец», «Лгун», «Говорящая рыба» и другие). Есть сказки озорные, основанные на неумемной фантазии, на смешной игре слов («Воробей», «Братец-топор», «Охотник-враль» и другие).

И все они созданы Ованесом Туманяном без малейшей тенденции к стилизаторству, к искусственности, к подчеркнутой литературности. Все они — в духе самого фольклора, естественно растут из него, находятся в органическом соответствии с крестьянским мировосприятием, с мужицким юмором, с народным поэтическим воображением.

Они написаны народно — для народа.

И именно поэтому они давно и прочно стали любимым чтением людей разных стран и континентов.

5

Между художественной прозой и художественной публицистикой Туманяна трудно не увидеть прочной идейной и эстетической связи.

И тут и там перед нами демократ, мастер народного поэтического слова.

Публицистика Ованеса Туманяна насквозь проникнута патристическими мотивами. Перед нами верный сын армянского народа, борец за его социальные и исторические права. Судьба родного народа, его многовековые страдания больно ранили сердце Туманяна. И он выступал с горячими, страстными статьями против всех, кто пытался увековечить тяготы жизни простого армянского народа — крестьян, рабочих, ремесленников, демократической интеллигенции.

Туманян был серьезным знатоком истории армянского народа. В прошлом он находил поучительные материалы, по-новому освещающие современную социальную борьбу. Он писал о тех, кто не раз протягивал руку помощи армянскому народу — о передовых людях России, о передовых людях Грузии, о простых русских солдатах, которые проливали на полях сражений свою кровь за дело освобождения армянских земель. Он показывал, что Англия, Франция, Германия, что правительства этих стран не раз предавали армян, выдавали их на расправу турецким властям, действуя таким образом в интересах своекорыстной, хищнической буржуазии. Обличая чудовищные преступления турецких властей — Абдул Гамида и младотурков, вставших на путь кровавого террора и геноцида по отношению к армянам, Ованес Туманян раскрывал корни этих

чудовищных влodeяний как в современной политической и экономической борьбе, так и в историческом прошлом.

Быть интеллигентом-патриотом в эпоху, когда жил и боролся Ованес Туманян, значило быть просветителем родного народа. И Туманян был великим просветителем. Он служил делу просвещения своего народа не только своим творчеством, но и постоянной общественной деятельностью, далеко выходящей за пределы культурных интересов и властно вторгавшейся в область политической борьбы. Ованес Туманян был инициатором и организатором самых различных обществ, объединений, товариществ, содружеств людей культуры, литературы, искусства. В этой своей общественной деятельности он видел одно из средств патриотического воспитания родного народа, одну из возможностей сплочения передовой интеллигенции на демократической основе. Замечательный знаток культуры своего народа, Туманян стремился передать современникам богатства, всками создававшиеся мастерами армянской национальной культуры, в том числе и богатства литературы и языка, фольклора и музыки. Он знал, что армянский народ — «не маленький народ», что велика и прекрасна его многовековая культура, и хотел всеми средствами приобщить своих современников к этим богатствам духа и творчества, к их традициям. Иначе говоря, он стремился воспитать в армянах сознание демократической национальной гордости.

Ованес Туманян был всегда и принципиально противником позиций национальной ограниченности и национального герметизма. Всем своим творчеством ратовал он за дружбу народов, за их братство, его патриотизм был органически связан с интернационализмом, он был сторонником активного культурного обмена между народами. Он резко обрушивался на черносотенные выступления в русской реакционной печати («Новое время», «Московские ведомости»). Живя в Тифлисе, поддерживая всячески армяно-грузинскую дружбу, он не раз давал отпор националистическим настроениям, проявлявшимся порою на страницах реакционных газет, выходивших в Грузии. Словом, он был убежденным и стойким борцом за дело дружбы между народами.

Сколько прекрасных статей написал Туманян, ратуя за прочную дружбу армян с русскими, грузинами, азербайджанцами (которых по тогдашней терминологии он именовал тюрками). В статье «В тумане недоразумений» он решительно высказывался за «братские отношения с соседними народами». Совершенно последовательно всю свою творческую жизнь Туманян выступал с позиций кровной дружбы с Россией и русскими, пропагандировал в армянском народе идеи русских революционных демократов, творчество великих писателей России, прославляя высокие нравственные качества русских воинов. Туманян дружил с грузинскими писателя-

ми, называл своим братом Давида Кяднашвили, учил армян чтить творения грузинского национального гения. В своих рассказах («Пари», «Ахмат» и другие), в своих статьях публицистического характера он с полной определенностью выражал любовь и симпатию к простым азербайджанским крестьянам и не однажды старался предотвратить пагубные плоды реакционной политики на- травливания одного народа Закавказья на другой, которой так широко пользовались представители царской и султанской властей.

Последовательность и стойкость Туманяна в вопросах национальной политики ярко проявились и в трудные послереволюционные годы, когда судьбу кавказских народов — грузин, армян и азербайджанцев — пытались вершить разного рода авантюристы из буржуазных, националистических партий. В эту суровую и грозную пору Ованес Туманян резко выступал против дашнакских авантюристов, против грузинских меньшевиков, против азербайджанских мусаватистов. В историческом 1917 году Ованес Туманян горячо приветствовал революцию в России. Русский народ представлялся ему в образе восставшего богатыря, былинного Ильи Муромца. В своем известном открытом письме к русскому поэту Сергею Городецкому он с восхищением писал о «великих дерзновениях большевизма». В одном из своих писем он упоминает о намерении обратиться с письмом к В. И. Ленину, которого он уважал и почитал как руководителя первого в мире государства рабочих и крестьян.

Ованес Туманян был человеком цельным, глубоко идейным, выразившим многие передовые тенденции своего времени. Но это не значит, разумеется, что в его сознании не существовало никаких противоречий, что его идейное развитие протекало без всяких духовных трудностей. Известно, что Туманян живо интересовался самой передовой идеологией своего времени — марксизмом. Но марксистом он не стал, оставаясь на радикально-демократических, а порою и общедемократических позициях. Это приводило его иногда к заблуждениям и ошибкам, следы которых содержатся в некоторых его статьях и письмах. Их нетрудно заметить.

Так, например, полемизируя с «Московскими ведомостями», нападавшими с шовинистических позиций на «кавказцев», Туманян недооценивал революционные, социалистические силы в Закавказье, — он тогда еще мало знал революционеров-социалистов, не был с ними связан. В начальный период первой мировой войны (статья «Сим победиши» и некоторые другие выступления в печати) Туманян был охвачен оборонческими настроениями. Но в то же время он надеялся, что война «просветит» русский народ и поможет ему свергнуть монархическую власть, которую писатель ненавидел всей душой, как демократ и гуманист. После Октября Туманян не сразу понял, почему русские войска были вынуждены покинуть турецкий фронт.

Для понимания противоречий в сознании Туманяна весьма показательна его статья «Завербованы...». Она резко направлена против буржуазной партийности, против реакционной буржуазной прессы. В ней Туманян выступает и как противник церкви, и как противник лже-социалистов (вспомним, что тогда под видом «социалистов» в Закавказье выступали и грузинские меньшевики, что «социалистической» демагогией пытались прикрываться и дашнаки в Армении). Вместе с тем из этой статьи видно, что подлинных марксистов, подлинных социалистов-большевиков писатель все еще не знал. Есть в статье и другая «слабинка», в целом для Туманяна совершенно не характерная: мысль об — иллюзорной — суверенности искусства. Не удивительно, впрочем, что эта мысль вспыхнула и обострилась в сознании Туманяна именно в пору, когда в Закавказье под видом освободителей и демократов хозяйничали разного рода реакционеры. В эту недолгую пору у писателя ненадолго появилось желание противопоставить власти временщиков власть искусства и служению реакции — служению прекрасному.

Хорошим комментарием к этой статье Туманяна служат его письма, написанные сразу после установления Советской власти в Закавказье, а также и некоторые его статьи, написанные в последние годы его жизни. Они служат яркими доказательствами того, как быстро избавлялся Туманян от заблуждений и иллюзий, как быстро осваивал он трезвые, реалистические взгляды. Из этих писем и статей явствует, что, познакомившись с большевиками-ленинцами, сблизившись с ними, Ованес Туманян проникся к ним полным доверием и глубоким уважением. Именно в Советской власти увидел Туманян воплощение мечты о свободной и трудовой, творческой жизни родного народа. И до конца своих дней он прочно сотрудничал с Советской властью, с посланцами Ленина на Кавказе.

В публицистике Ованеса Туманяна перед нами раскрывается путь идейного развития великого человека, писателя, общественного деятеля. Мы видим трудности и издержки на этом пути, но, прежде всего, мы видим сильные стороны мировоззрения и общественной позиции Туманяна. Они решительно преобладают над слабостями, к тому же последние оказываются преходящими, тогда как сильные тенденции повсеместно берут над ними верх.

Как проза Туманяна, так и его публицистика — творчество поэта. Она всегда взволнована, сердечна, в ней анализ сочетается с лиричностью. В ней мы видим самые разные жанры — увлекательного исторического экскурса, боевой полемики, пропагандистского рассуждения, инвективы, воззвания к народу, патетической речи... Так разнообразны ее жанровые тенденции.

Это — художественная публицистика, рожденная в непрестанной социальной борьбе.

Так же разнообразны по жанровым тенденциям статьи Туманяна об искусстве.

Туманян был замечательным знатоком литературы, музыки, живописи. Он был глубоким мыслителем в эстетических вопросах. В его статьях мы находим ценнейшие суждения об истории армянской литературы, блестящие характеристики творчества Саят-Новы и Кучака, Х. Абовяна и М. Налбандяна, интересные замечания о прозе Раффа и поэзии Р. Патканяна. Туманян хорошо знал русскую литературу, переводил русских поэтов, и его статья о Льве Толстом, в которой он подчеркнул, что Толстой с юности тянулся к крестьянству, и статья о Лермонтове—«великом приемном сыне Кавказа», как и его замечания о фольклоризме Пушкина, принадлежат к его лучшим критическим выступлениям.

В зарубежной литературе Туманяна особенно волновали произведения Шекспира, «Дон Кихот» Сервантеса, поэзия Гете и Гейне. Шекспир был поистине кумиром Туманяна.

В литературе, в искусстве все истинно крупное и талантливое привлекло внимание Туманяна,—он был отличным знатоком поэзии грузинского народа.

Эстетическая мысль Ованеса Туманяна воспиталась на передовых, революционно-демократических принципах. Не случайно упоминает он о Белинском, о его учении о народности литературы, дававшем почву для его собственных теоретических воззрений. В критическом наследии Ованеса Туманяна можно выделить темы, которые особенно волновали писателя,—это, в частности, проблема фольклора и путей его творческой обработки и вопросы художественного, поэтического перевода.

Принципы подхода Туманяна к фольклору утверждались в жарких критических боях. Полемические статьи Туманяна против Р. Драмбяна из либерального «Мшака» и Ст. Канаяна, прикрывавшегося в печати инициалами С. О., остаются блестящими свидетельствами той глубоко принципиальной борьбы, которую писатель вел за право на творческий подход к народной устной поэзии. Восставая против «драмбьянизма», отрицающего права писателя на обработку фольклора, Туманян боролся одновременно и за литературу, и за самый фольклор. Он понимал,—в отличие от своих злобных критиков,—что, обрабатывая народные поэтические произведения с полным сохранением их творческой силы, народный писатель продлевает жизнь и усиливает воздействие ряда шедевров, созданных поэтическим гением народных сказителей. Он вел свою полемику страстно, резко, беспощадно. Но им руководила при этом отнюдь не мелкие и личностные интересы,

он выступал во имя принципов, сражался за интересы искусства. В связи с проблемой пропаганды и перевода произведений армянской поэзии Ованес Туманян не раз писал и говорил с чувством великой благодарности о Валерии Брюсове. Он высоко ценил его инициативу и его труд, подчеркивал общественную, политическую значимость дела В. Я. Брюсова, изучающего и пропагандирующего среди русских читателей поэзию Армении.

В своем подходе к искусству Туманян исходил из понимания его великой воспитательной роли. Произведения искусства виделось ему в широкой историко-культурной перспективе. Он видел в искусстве силу, объединяющую людей и связующую прошлое народа с его будущим. Именно таков его взгляд не только на явления литературы, но и на произведения музыки, на народные песни. И когда один замечательный художник высказал ошибочную мысль о якобы васнациональном характере искусства (высказал ее в полном противоречии с собственным творческим опытом), Ованес Туманян счел нужным тотчас же его поправить и произнес в 1916 году блестящую речь, утверждающую, что «искусство имеет родину».

К профессии художественного критика Туманян относился с большой серьезностью. Он считал ее особенно важной в период интенсивного формирования новой армянской литературы, в период появления и творческого роста новых писательских дарований. При этом он многократно подчеркивал, что критика должна быть серьезной, квалифицированной, объективной, ответственной перед художниками и перед народом.

Критика,—писал Ованес Туманян в статье «Негодный и неуместный метод»,—если она хочет избежать ошибок и принести пользу, должна сочетать анализ произведений искусства с поддержкой плодотворных художественных поисков.

Именно таким критиком был сам Туманян. Он был мастером разбора и оценки, умел понимать природу творческих исканий и поддерживать их, когда они возникали с прочной, надежной «стартовой площадки».

В своих критических суждениях, которые он высказывал в статьях и письмах, Ованес Туманян был предельно откровенен, прям, тверд, порою,—если это вынуждалось интересами дела,—резок. В своей борьбе за правду он никогда не прятал голову под крыло и не боялся высказать и горькую правду как своим противникам в литературе и публицистике, так и личным друзьям, если те оказывались в плену индивидуалистических настроений или эстетского модничанья.

Гиганты творчества всегда величавы и прекрасны во всех своих проявлениях.

Гигантский народный поэт Ованес Туманян величествен и прекрасен и в своей прозе.

Он един и монолитен, как мастер, как мыслитель и художник, во всех областях своего прозаического писательства—в рассказах и сказках, в публицистике и критике, в речах, обращенных к массам, и в интимном эпистолярном жанре.

Все это—разные грани его прозы, прозы Поэта.

Александр Дымшиц

Паскажы

{

В доме крестьянина Амбо шел спор. Амбо решил своего сына, двенадцатилетнего Гикора, взять в город, к делу приставить, чтобы человеком сделался, работе какой-нибудь выучился. Жена не соглашалась.

— Ох, не надо, — плакала она, — пожалей мое малое дитя, не бери в тот проклятый мир, не бери, — убивалась она, — не надо.

Но Амбо слушать ее не стал.

Было мирное печальное утро. Родные и соседи проводили их до околицы, целовали Гикора в обе щеки, простились.

Сестренка Запи плакала. Гало, самый младший, рвался из рук матери, кричал вслед: «Ты куда уходишь, э-э-эй, Гикол... Ты куда идешь...»

Гикор шел рядом с отцом, иногда забегал вперед и то и дело оглядывался: — у околицы стояли родные, мать передником утирала слезы. А раз оглянулся — холм зеленый увидел, село за холмом осталось.

После этого Гикор стал отставать.

— Ну, Гикор... пришли уже, сынок... скоро на месте будем, ну, — подгонял сына Амбо.

За плечами у него хурджин, в хурджине несколько хлебов, несколько кругов сыру и табаку — одна или две связки.

В сумерки, когда они одолели гору, село в последний раз мелькнуло вдалеке, едва различимое сквозь туман. — Во-он наш дом, отец, видишь?..

Но дом не был виден, и они пошли дальше.

В этот день они ночевали в каком-то селе, у старого знакомого Амбо.

Шипел на краю тахты желтый самовар. Молоденькая девушка звенела посудой — перемывала стаканы, разливала чай. На ней было красное красное платье. Гикор сразу же задумал про себя, как только наработает в городе денег, купит для Зани в точности такое платье.

После вечерней трапезы хозяин дома и Амбо уселись с чубуками на тахте и повели беседу. Заговорили о Гикоре. Хозяин похвалил Амбо, что сына в люди старается вывести. Потом говорили о войне, о дороговизне хлеба, еще о чем-то, но Гикор уже спал и ничего не слышал.

На следующий день к вечеру Амбо с сыном добрались до города, ночь у старика-тавлинца переночевали, а утром, чуть свет спустились на базар.

— Эй, как тебя, — окликнули Амбо из какой-то лавки, — мальчика своего не на службу ли определяешь?

— Точно так, — Амбо подтолкнул Гикора к лавке.

— Заходите, — позвал лавочник.

Звали лавочника базаз-Артем, что означало купец Артем.

2

И отдал Амбо Гикора в услужение — определил слугой в дом купца Артема. Условие было такое: Гикору надлежало убирать в доме, мыть посуду, чистить обувь, обед носить в лавку и разные мелкие дела по дому делать на протяжении года.

Через год Гикора должны были взять в лавку «учеником».

— Первые пять лет денег не будет, — сказал купец, заключая условие, — вообще-то это ты мне еще должен платить за то, что сына твоего обучать берусь, не умеет ведь ничего.

— Откуда же ему, хозяин-милый, уметь, — отвечал

Амбо, — для того и в город привел его... чтобы выучился...

— Выучится, чего же не выучиться. Вон Никол из ваших краев, лавку недавно открыл — тоже ведь у меня работал, через меня в люди вышел... Под конец, правда, пару чайных ложек унес, еще кой-чего...

— Что ты, что ты, милый хозяин, этот красть не станет. Узнаю про такое — приду, схвачу, своей рукой в Куру брошу...

— Ну, если на руку чист — можешь не сомневаться, станет человеком.

— О том и дума моя — чтоб человеком сделался, разговаривать по-человечески научился, вставать-привечать, читать-писать, в людях бы разобрался, не был на свете безответным, как я... И ребенок ведь он смекалистый, в нашей деревенской школе к грамоте пригляделся — черное от белого сумеет отличить. Только просьба у меня к тебе будет, прошу — умоляю тебя, чтоб смотрел ты за ним, как за своим, малое дитя, как-никак... на чужбине...

Купец заверил Амбо, что все хорошо будет, и вышел, распорядившись громким голосом: «Подайте чай этим людям, накормите их».

3

Отец с сыном сидели на кухне у купца Артема.

— Ну, Гикор, родной мой, теперь за тобой дело, посмотрим, что из тебя получится... Веди себя так... так, чтобы... ох, да господи, разве ж я знаю — как... — Амбо тяжело вздохнул и стал набивать чубук.

А Гикор в это время осматривался кругом.

— Отец, а, отец, у них, что, бухарика нету?

— Нет, у них печь, вон она — печь...

— И гумна у них тоже нету?

— Ведь они горожане — не крестьяне, чтобы на гумне работать.

— А хлеб свой где они берут?

— За деньги покупают. И хлеб за деньги покупают, и молоко, и мацун, и дрова, и воду...

— Ва-а-а...

— Да-а-а... Это тебе Тифлис. Ты будь у меня молодцом, многое еще узнаешь.

— А церковь у них есть, отец?

— Как же это нету, есть, конечно. Они ведь тоже, как и мы, христианской веры, армяне... Смотри, сынок, на чужое добро не зарься, воровства не допусти. Возможно, чтобы испробовать тебя, денег подбросят — не подходи близко. А поднимешь если — отнеси: «Госпожа, — скажи, — что это за деньги я нашел» или же: «Хозяин, вот здесь что-то валялось, я подобрал»... так и сделаешь, сынок...

— Здесь пристав — есть?

— Ну как же... Бестолку не бегай — не носись, не суйся всюду... Деньги заведутся — не потрать зря, знаешь ведь, тысяча дыр у нас... За собой смотри хорошенько, ночью не раскрывайся, не застуди себя... Будет кто в наши края илти — весточку о себе пришли... пиши иногда... — так Амбо поучал сына, попыхивая чубуком, стараясь не забыть ничего, все сказать.

Гикора в сон клонило.

— ...Хлеб могут дать черствый или же объедки, а часто сами поедят, тебе не дадут, стерпи, сынок, ничего, такая у слуги жизнь... А время быстро пролетит, не заметишь, как дни промчатся...

Отец продолжал наставлять сына, но Гикор уже крепко спал, припав к его плечу.

Столько он за эти два дня видел, столько узнал нового — лавки, ломящиеся от фруктов, разноцветные кипы ситцев, наваленные, как скирды, игрушки в витринах магазинов, школьники, бегущие в школу и из школы, извозчики, перегоняющие друг дружку, вереницы верблюдов, груженные зеленою ишаки, кинто с лотками на головах... — все это, перемешавшись, гудело у него в голове. И он, усталый, спал, прикорнув к отцу.

У купца в это время шел разговор с женой — жена была недовольна новым слугой: неопытный, не умеет ничего и глядит дикарем. А купец был рад, что слугу дарового на несколько лет заполучил.

— Научится, — говорил он жене, — не все же ему дикарем быть.

— Научится, — успокаивала невестку старуха, мать лавочника, — всему научится, чадо мое, не кручинься.

Но госпожа Нато все равно была недовольна и плакала, и кляла свою судьбу.

Гикор сидел на кухне.

В натянутой по самые уши хозяйской шапке, на ногах — чьи-то старые башмаки, в синей блузе — преобразившийся с ног до головы — он сидел на кухне один и думал, как же это все получилось, для чего он пришел сюда из своего села, что с ним дальше будет, что нужно ему делать...

Вошла госпожа.

Гикор как сидел — так и продолжал сидеть.

Госпожа что-то сказала, Гикор не расслышал — или не понял.

— С гобой говорят, обалдуй!

Гикор смешался, хотел было переспросить, да оробел, потупился, промолчал.

Хозяйка вспыхнула, вышла, разгневанная.

— Чтоб тебе подохнуть, деревенщина. Я к нему обращаюсь — он ни с места, не с ним будто говорят.

«Конец, — пронеслось у Гикора в голове. — Но как быстро все кончилось, как плохо... как же быть теперь... и отца нет...».

Но тут, сама с собой разговаривая, вся в черном, — показалась добрая старуха — мать лавочника:

— Когда в комнату входит госпожа — надо вставать, сыночек... когда о чем-нибудь спрашивают — отвечай, молчать не надо... как можно молчать, когда спрашивают...

Старуху все называли дэда.

Дэда учила Гикора, как надо самовар ставить, как чистить ботинки, щетку как держать, посуду мыть...

Кроме старой дэды все обижали Гикора.

Ученики в лавке дразнились, окликали насмешливо, дергали за нос, тумачили давали, брали да и шапку на глаза вдруг натягивали — забавлялись на все лады.

Но все это еще можно было стерпеть.

Невыносимым был голод. С голодом Гикор свыкнуться не мог. Дома, когда он чувствовал, что проголодался, — шел, из корыта брал хлеб, из горшка сыр доставал — и, прихватив все это, шел в поле играть. А там уже, когда вздумается, когда охота будет — садился где-нибудь под деревом или же возле родника и ел.

Здесь все было по-другому. Как бы он ни был голоден — надо ждать обеденного часа. И только когда все

отобедают — только тогда можно садиться за стол. А время, проклятое, тянулось медленно, так долго шло — Гикору совсем невмочь делалось.

Поначалу он крепился, потом стал по углам шарить и что ни находил — сухую горбушку, кость обглоданную — все тут же в рот ташил. Потом он сообразил обследовать кухонные шкафы, а потом уже и мясо недоваренное наловчился из обеда выуживать, прямо с плиты.

Но если бы кто-нибудь увидел это...

Какая нехорошая бы получилась история...

Если бы кто-нибудь заметил...

— А что же делать?..

Оставить — убежать?..

И Гикор стал подумывать о бегстве. Но только куда бежать, дороги он не знает и знакомых нет никого... А отец? Что он скажет отцу?.. Как отец для него старался... Говорил: «Время быстро пролетит, не заметишь, как дни промчатся...»

Гикору слышится голос отца, хриплый, осипший: «Время быстро пролетит, дни промчатся... промчатся...»

6

Звонили.

Гикор вскочил. Он уже знал — когда звонят, надо пойти посмотреть, кто это и что ему нужно.

Гикор вышел на балкон, выглянул на улицу и увидел внизу господина и нескольких дам.

— Эй, вы кто такие? — крикнул он сверху.

Дамы засмеялись, а господин, поправив пенсне, спросил:

— Госпожа дома?

— На что вам? — спросил Гикор.

Внизу еще сильнее засмеялись.

— Тебя спрашивают — госпожа дома или нет! — рассердился господин.

— Дело есть?

На шум вышла сама госпожа.

— О, чтоб тебе не жить на этом свете. Иди дверь открой, быстро! — Госпожа была сердита, но как золь-

ко показались гости, заулыбалась и весело пошла им навстречу.

— Какими судьбами, кого благодарить, что вспомнили нас... проходите, проходите...

— Где вы чудо такое откопали?— господин оглядывал Гикора с ног до головы, дамы смеялись.

— Можете не завидовать — даром отдаем,— отшутилась хозяйка, и гости, весело переговариваясь, прошли в дом.

Госпожа срочно отправила Гикора по делу и вернулась к гостям.

После обязательных в таких случаях расспросов о здоровье и самочувствии, гости стали рассказывать, как их принимал Гикор. Получилась довольно страшная история.

— Он меня извел,— жаловалась госпожа Нато,— я мужу говорю — прогоним, но вы знаете Артема, жалост, деревенский, говорит, ребенок, пускай живет, научится еще всему... Да, но когда же это будет, сил моих уже нет...

— И не говорите, — подхватили дамы, — с этими слугами одно мучение...

С полчаса разговор вертелся вокруг слуг и городских новостей. Через полчаса влетел запыхавшийся Гикор:

— Госпожа, я фрукты принес!

— Хорошо, иди.

Хозяйка залилась краской, а гости стали снова смеяться.

— Госпожа, хозяин сказал, вишня дорогая, вишню не надо!

Кто-то из гостей фыркнул и закрылся платком, и, чтобы вывести хозяйку из неловкого положения, гости стали наперебой говорить, что вишня действительно очень дорога, кто же ее в это время покупает и вообще — к чему все эти фрукты и угощения, не за этим они пришли, не беспокойтесь, не беспокойтесь...

Хозяйка, вся красная, пыталась замять разговор:

— Бог знает, что ему сказали, никогда этот дурень толком не поймет ничего!..

— Провалиться тому, кто соврет! — побожился Гикор и этим уже все испортил.

Госпожа Нато, проводив гостей, убирала со стола и ругала, проклинала Гикора, вспоминала по одному все его проступки и все больше распалаялась.

— Неопытен он, дочка, мал еще, научится,—вздыхала старая дэда,— ах, господи, что ж ты забыл про меня, не приберешь никак мою душу...

— Ты еще куда под горячую руку лезешь!— закричала госпожа Нато.— Что ты там еще говоришь!.. Делайте тогда сами за него работу, если мал, если неопытен! Я ведь не раба ваша.

Она кричала так до самого прихода мужа, а, заслышав его шаги, заплакала и принялась греметь посудой.

— Я давно говорила, не нужен он мне... лучше я сама тут за слугу буду... чем так мучаться—сама все делать буду... если денег на приличного слугу жаль...

— Что тут случилось?—спросил купец, став посреди комнаты.

— Что же еще должно было случиться! Перед людьми меня ославил! Что же еще-то! Спасибо тебе!

Госпожа рассказала мужу историю с вишней.

— Ва!— не поверил купец.

— Ах, господи!— добрая старуха не знала, что сделать, как успокоить всех.— Ах ты, боже мой!

Купец кликнул Гикора.

Гикор, громко стуча башмаками, вошел.

— Подойди ко мне!— сказал купец.

Но Гикор увидел, какое у хозяина лицо, и замер на месте.

— Подойди, сказали тебе!

Гикор потоптался, но с места не двинулся.

— Я тебе говорю.— пойдешь, госпоже доложишь,— а ты приходишь и гостям тут докладываешь, что вишня, мол, дорога, а-а-а-?!

— Я госпоже...— Гикор хотел объяснить, как все было, но пощечина сбила его с ног, в глазах у него потемнело, он ударился головой о стену, упал.

Купец бил его ногами,—«дорогая, значит?—приговаривал—вишня дорогая, значит, дорогая?..» Старая дэда бегала кругом, пытаясь оттащить сына от Гикора, что-то кричала госпожа, дети визжали. Купец оставил,

наконец, Гикора, отошел в сторону, тяжело дыша, но не мог успокоиться, смотрел на Гикора и повторял — «дорогая, говоришь, да, вишня?..»

А Гикор лежал в углу, сжавшись в комочек, и, закрыв глаза от боли, стонал.

— Матушка моя, матушка...

7

Купец увидел, что Гикор в доме не годится — перевел его в лавку.

В лавке Гикор должен был подавать и убирать куски ситца, подметать в помещении, доставлять товар покупателям на дом, а в свободное время стоять перед лавкой и звать покупателей.

Вот идет Гикор в лавку. Несет обед. Гикор бледный, похудевший, большущие ботинки болтаются на ногах. Вот он мост переходит. Вот перегнулся через перила — на реку глянул.

Внизу, ударяясь о высокие стены караван-сарая, дыбнулась, кружилась и пенилась, глухо шумела под мостом Кура. Возле берега крутилась зеленая лодка. Два человека сидели в лодке — один забрасывал невод, другой правил лодкой.

«Сейчас вытащит», — подумал Гикор и подождал.

Невод вытащили пустым.

— Теперь на мое счастье, — загадал он и снова подождал.

Невод опять пустым вышел.

— А сейчас на счастье Зани.

И снова сеть была пустая — у Зани счастья не было.

— А сейчас... на счастье Гало.

Гало тоже не из счастливых оказался.

— А сейчас...

Но в это время в воротах ближайшего караван-сарая послышался какой-то шум.

Это был перс с обезьяной. Перс пел, обезьянка танцевала:

Глянц-ка, тут как тут мартышка,

Гибкая, как прут, мартышка,

То старуха, то девчонка,

Как тебя зовут, мартышка?..

Кругом толпились люди, со всех сторон сбегался народ.

Гикор тоже побежал — вперед пролезть ему не удалось, и он, став на цыпочки и вытянув шею, пытался увидеть, что же там в кругу делается.

— Тебе что тут надо? Пошел своей дорогой, — турнул его какой-то кинто и дал подзатыльника.

Гикор сразу опомнился, затрусил к лавке.

8

Вечером Гикор, заплаканный, сидел на кухне.

Лицо его еще горело от хозяйских пощечин. Голос госпожи затихал в конце коридора. Открылась дверь, в кухню, посвистывая, вошел ученик купца — Васо. Заметив Гикора, Васо остановился и, придав серьезность своему шутовскому лицу, грозно спросил.

— Где был, рассказывай — в клубе дела задержали или же с губернатором срочное что-то обсуждали, а?

Гикор не поднимал головы.

— Ну-ка, ну-ка, расскажи, чтобы и я знал!

Гикор не отвечал.

— Ну, что, я сам уже забыл, где был? Забыл, да?.. Так куда это ты отлучался, что меня чуть голодом не уморил, а? А если бы я умер — что тогда?

Он совсем близко подошел к Гикору, постоял немного над ним и вдруг — как даст затрещину. Гикор прикрыл обеими руками голову, прижался к стенке и ждал следующего удара. И Васо действительно собирался ударить снова, но тут за дверью послышался голос хозяина.

— Сейчас он с тобою расправится, — пригрозил Васо.

«Убьет меня сейчас», — подумал Гикор.

Но хозяин уже порядком избил его в лавке и теперь ограничился тем, что приказал оставить Гикора без ужина. Чтобы знал, каково быть голодным.

Опасность миновала.

И хоть и слышался в комнатах голос хозяйки: «Прогони ты его, я давно тебе говорю...» — Гикор совсем успокоился.

Гикор лежал тихо на кухне, с головой укрывшись одеялом.

Ночь лунная, давно меня покинул сон.

Говорят все про меня—бездомен он, бездомен он...

Это была песенка Васо. Он напевал ее, уплетая ужин. А Гикор из-под одеяла украдкой следил за ним, потом снова закрывал глаза, пытаюсь уснуть. Но сон не шел.

— Ну, что, не спится с голоду-то? будешь знать...— Васо протянул Гикору кусок хлеба с сыром,— ешь скорее,— чтобы хозяин не увидел...

Гикор схватил хлеб с сыром, с головой ушел под одеяло и торопливо стал есть.

Он вспоминал, как бегал с товарищами на приволье, хлеба всегда было вдоволь, вспоминал, как мать плакала, не хотела его в город отпускать.

— Ах, матушка, как верно чуяло твое сердце,— вздыхал Гикор под одеялом и жевал сыр с хлебом, прислушивался, как бы хозяин не вошел.

Утром Гикор снова стоял в дверях лавки.

10

Он стоял в дверях лавки и зазывал покупателей, громким голосом нахваливая хозяйский товар.

— Ты что там замолчал? Что воды в рот набрал?!— окликали его из лавки.

— Сюда, пожалуйста!— кричал Гикор.— К нам. К нам пожалуйста!

В лавке все покатывались с хохоту.

Его подучили затаскивать покупателя, и он, часто хватая за полу кого-нибудь на базаре, грубо и настойчиво тащил к лавке, пока человек не выходил из себя.

В летние душные дни, усталый от долгого ожидания, он иногда засыпал, сидя на сложенных перед лавкой ситцах.

Товарищи по лавке или соседские ученики подкрадывались и совали ему под нос нюхательного табаку.

Он чихал и вскакивал.

Сомлевшие от жары лавочники веселились. А хозяин, насмеявшись, грозно прикрикивал:

— Не спи, негодный!

— Сюда пожалуйста! К нам! Сюда...

А однажды Гикор стоял так в дверях лавки и звал покупателей и вдруг видит — навстречу ему два крестьянина из их села. Подбежал Гикор к ним. Обнялись, расцеловались.

— Ишь, как изменился-то,— крестьяне оглядывали Гикора, потом один сказал другому:

— Баго, ты бы узнал его?

— Узнал бы. По глазам,— хвастливо ответил товарищ.

Гикора и впрямь не узнать было, сильно изменился— осунулся, побледнел, да еще и одежда городская — трудно было узнать.

— Смогри-ка, человеком сделался, горожанином стал,— любовались односельчане.

— Амбо-то, как сына пристроил, наши свиней до сих пор пасут, а этог...

А Гикор спрашивал у них, вопросами засыпал:

— Мой отец — как? Наши ребятишки — здоровы? Отец почему не пришел? Наша корова огелилась? Кто помер в селе?

— В селе все по-прежнему, приветы тебе все передают,— отвечали крестьяне,— а помер Сукнанц Гукас, да старуха у Пучуренцов, остальные живы-здоровы.

— А отец мой почему не пришел?

— Хотел твой отец, да как — дом весь на нем держится...

— А мне ничего из дому не прислали?

— У самих ведь нет ничего, знаешь, небось... Хлеб в этом году плохой уродился, отец твой еле-еле концы с концами сводит. Ты бы сам вот, если возможность имеешь, послал им чего-нибудь с нами... Вон по́дать уже требуют, платить нечем, у отца твоего — ни гроша...

— У нас никто не болеет?

— Все здоровы, только корова ваша Цахик околеда, забралась на крышу хлева к Мирзам, свалилась...

— Цахик околеда?..

— Матушка твоя очень плакала.

Потом один из крестьян вспомнил — полез за пазуху, достал письмо для Гикора.

— Ну, что хочешь, говори сейчас,— сказал он,— больше не увидимся, ежели хочешь, что передать для матери или сестры, давай отнесем.

— Откуда же, денег мне еще не дают... но только...

— Ну?..

— Хочу с вами пойти... домой... соскучился по нашим, по селу соскучился.

— А-ай-ай, а мы-то подумали, ты в самом деле человеком стал, ума набрался. Что же это ты такое говоришь? Мы думаем, как бы нам парней своих на такое место пристроить... Да ты на себя погляди — одежда новая, в чистоте живешь, в тепле... Нет, брат, поговорка, знаешь, есть такая — посадили свинью на ковер, а она обратно в грязь катится — словно про тебя сказано.

Пожурили его так односельчане, надавали советов и ушли.

А Гикор после их ухода забился в угол, стал читать письмо отца.

«Наш любимый сын Гикор.

В город Тифлис.

Мы живы и здоровы, твоего здоровья только желаем, аминь. Очень соскучились по тебе и кланяемся: отец, матушка, Зани, Моси, Микич, Гало, все. Наш любимый сын, Гикор, знай, что нам туго приходится, а подать уж очень строго требуют и денег взять неоткуда, а матушке и Зани ходить не в чем и очень нам туго приходится. Гикор, сынок, пришли нам денег несколько рублей, и письмо о себе пришли. И чтоб ты знал, Цахик наша околена, и матушке и Зани ходить не в чем...»

— Ну, что, своих увидел — размечтался? Покупателей зови, ну! — кричали уже из лавки.

— Сюда, сюда, к нам пожалуйте... к нам пожалуйте...

12.

Пришла зима.

Холодная лютая вьюга летает над городом. Свистит, снесит, забирается во все уголки и щели, нищего странника ищет, ребенка сирого, бездомного.

Вот она нашла Гикора.

В тонкой блузе, стоит он на пороге лавки, как былинка, дрожит от холода.

— Сюда, к нам пожалуйте... сюда к нам...

— Сей-час-с-с... — злорадно засвистела вьюга и не-

видимым ножом по Гикору — р-раз, ударила, пробрала все косточки.

Гикор и без того был слаб.

Слег он.

13

Гикор лежал больной на кухне у купца.

Старая дэда по нескольку раз в день заходила к нему:

— Что сердце хочет, чадо мое, говори...

— Воды...

Дэда приносила воды. Гикор слабой рукой брал стакан, пил и просил другой воды, родниковой.

— От этой не проходит жажда, дэда... я из нашего родника хочу воды... я к себе домой хочу... к своей матушке...

Купец Артем в беду попал. Он бросился разыскивать односельчан Гикора, нашел кого-то из тех краев и велел передать Амбо, чтобы тот в город пришел срочно. Гикора купец поместил в больницу.

В больнице было много больных, они лежали все в ряд и беспомощно и грустно глядели в потолок.

Гикора положили рядом с ними.

Тут и нашел его отец.

— Что с тобой стряслось, Гикор мой, — сам не свой от горя Амбо приблизился к постели сына.

У Гикора жар был — не узнал отца.

— Гикор, гляди, ведь это я, твой отец, апи твой...

Больной не слышал его, звал в бреду: «Микич, Зани, матушка, апи...»

— Я здесь, Гикор, сынок мой, это я, твой апи, не узнаешь? Матушка меня за тобой прислала... вот встанешь ты, домой пойдём... пойдешь со мной домой?.. Микич и Зани на крыше стоят, тебя поджидают, на дорогу глядят... Скажи что-нибудь, Гикор, сыночек...

— Сюда, сюда, к нам пожалуйте, — звал в бреду Гикор, что-то бессвязное говорил, смеялся...

Через несколько дней Амбо возвращался в село. Он нес под мышкой одежду Гикора, чтобы мать могла поплакать над ней. В карманах у Гикора Амбо нашел горстку блестящих пуговиц, доску ситца и несколько булавочек. Наверное, для сестренки припрятал, для Зани.

Амбо шел и думал — совсем мало времени прошло с того дня — этой же дорогой шли они с Гикором в город.

Вот тут Гикор сказал:

— Отец, ноги притомились.

Вот дерево, под ним они сели передохнуть.

Здесь Гикор сказал:

— Отец, пить хочу.

А из этого родника они напились...

Все на месте, все по-прежнему, только его нет, нет Гикора.

На другой день, когда Амбо одолел гору — показалось село.

У околицы стояли, Гикора поджидали из города — мать, Зани, Микич, Моси. Маленький Гало вырывался из рук матери:

— Э-эй, Гикол... — кричал он, — сколей иди, э-э-эй, Гикол...

ЧЕСТЬ БЕДНЯГА

†

В большом селении К... жил добрый человек по имени Симон. Он никогда не вмешивался в мирские дела, так как знал, что его голос все равно, не будет иметь никакого значения: его не захотят даже выслушать.

Все богатство Симона составляли бурая корова и молодая красивая жена. Она редко подходила к своим богатым соседкам: видела, что это им не нравится. Да, собственно, она и не нуждалась ни в ком.

Во время полевых работ Симон входил в соглашение с кем-нибудь из крестьян, имеющих рабочую скотину, и вместе с его землею обрабатывал также свою. Иногда он занимался плотничеством или ловил рыбу в ближайшей речке и вообще ни от какой работы не отказывался. Поэтому он не был ни хорошим плотником, ни каменщиком, ни рыбаком... На одно только он был мастер—на остроты и шутки всякого рода. У него был нескончаемый запас веселых и остроумных анекдотов, которыми он охотно угощал своих слушателей. Но и это приписывали его глупости, и слово «чудак» было его постоянным эпитетом.

— Раз как-то в одной деревне я клал стену,— рассказывал он из своей

жизни.— Кончил работу и прошу, чтобы расплатились со мной. Пришли, посмотрели стену и говорят: «Вот что, братец, поспи-ка ты сегодня у этой стены, а завтра получишь за свою работу, хочешь—даже вдвойне, и отпавишься себе с богом...» Я, конечно, не согласился: ха, ха, ха... полагал, что рано еще отправляться на тот свет. Оставил все и удрал...

Но ведь не все же ставили Симону такие условия. Многие за его веселый нрав платили ему даже больше, чем следовало...

И в своей нищете весело и беззаботно жили муж с женой.

Это было маленькое семейное счастье, которым они были обязаны только своей нежной взаимной любви. Но люди и этому стали завидовать.

— Удивительная вещь!— рассуждали между собой крестьяне.— У нас есть свое хозяйство, лавка, торговля, вдобавок с утра до вечера работаем не покладая рук — и все-таки насилу удастся сводить концы с концами. Как же это он вечно живет беспечный, веселый?!

Так удивлялись и завидовали Симону его соседи и все же называли его чудаком.

— Неужели и с чудаком Симоном не можешь сравниться?— упрекали жены своих мужей,— каждый год он два-три новых платья делает своей бездельнице... никогда ее не увидишь без обуви.

— Зато она у него красавица, не то, что ты,— полшутя, полусерьезно замечали на это мужья.

И в самом деле, красота этой женщины была небесным даром, ниспосланным в удел бедняку. То была душистая, пышная лилия, растущая нередко где-нибудь в заброшенном месте, в колючках или под кустиком. Приветливо улыбаясь из своего уголка, она и не подозревала, конечно, что одуванчик красуется на живописном берегу горного ручья, или что колокольчик, растущий в барском цветнике, окружен нежными попечениями хозяев. Ей нужно лишь немного света, маленький солнечный луч...

Я забыл имя этой красавицы, но сельская молодежь прозвала ее «лакомым кусочком».

Сколько раз она жаловалась мужу, что такой-то, когда она набирала воду в роднике, нахально заглянул ей в глаза и что-то сказал, другой подмигнул ей, прохо-

дя мимо их дома, третий по дороге нарочно столкнулся с ней, и прочее и прочее.

— На то и фруктовое дерево, чтобы целиться в него камнем,— отвечал Симон пословицей.— Ты не горюй, милая, я сам не раз подмигивал другим.

Но тем не менее — хотя бы только для того, чтобы ей не оставаться одной, когда Симон с какой-нибудь работой отлучался в соседние деревни — маленькая дочь соседа, кузнеца Акопа, приходила спать к его жене.

По ночам долго-долго жена Симона рассказывала сказки маленькой Маруш — про «Жар-птицу» или про то, как мачеха бросила в яму своих семерых падчериц, прикрыла яму жерновом и как они, постоянно копая землю, находили по изюминке в день, питались этим... и очутились, наконец, в каком-то чудном подземном мире... Рассказывала она про «светлые и темные царства» до тех пор, пока обе незаметно не засыпали.

2

Вот в глубине сада виднеется маленький беленький домик Симона; уединенный, тихий, с двумя маленькими окошечками, закрытыми ставнями. Сумерки понемногу сгущаются, кругом все как-то таинственно, мирно и хорошо, и думается, что вся эта картина выхвачена целиком из какой-то волшебной восточной сказки...

Но вдруг под деревьями промелькнули две тени и... приблизились к домику.

...Они недолго там оставались, и, когда уже выходили, сквозь отворенную дверь послышался тяжелый, душераздирающий стон женщины, с которым сливался испуганный детский крик: «Кто это? Что вы хотите?.. Что вы делаете?!» Дверь захлопнулась, и голоса оборвались...

В этот вечер Симон отлучился в ближайшую деревню, где строилась пурня. Тяжелые оны, преследовавшие его всю ночь, томили его предчувствием, что над его домом пронесся злой дух.

Сельский суд выслушал жалобу Симона. Крестьяне окружили его и, оглушая упреками и руганью, требовали, чтобы он отказался от «грязной истории», прекратил дело.

— Если вы не хотите «грязной истории», так решайте судом, а то я сам с ним расправлюсь!.. — ревел разъяренный Симон, и его налившееся кровью глаза, казалось, хотели выскочить из орбит.. Около него рыдала маленькая Маруш.

— Ой, ой, ой, какой сердитый!.. береги уши! — заметил кто-то и посмотрел в сторону обвиняемого.

Это был известный сельский гуляка Сандро. В суконной чухе и в сапогах со складными голенищами и высокими каблуками, перекинув через плечо красный платок, в шалке набекрень — он стоял в стороне и смеялся над Симоном, над его бессильною злобой. Героя окружали его товарищи.

— Я убью его! И вы будете отвечать за это!.. — угрожал Симон, негодуя на невнимание суда к его жалобе.

— Да ты лучше за женой присматривай, дурачина! — крикнул кто-то, и раздался общий хохот.

— Смилуйся, добрый человек, не убивай! Ведь он еще так молод!.. — и последовал новый взрыв хохота.

А между тем сельский старшина, то смеясь, то шутя, то угрожая и сердясь, требовал от Симона, чтоб он прекратил этот «скандал». Но ему это не удавалось.

— Убью. Уничтожу его! — повторял Симон, но все знали, что он этого не сделает.

Один из товарищей Сандро отвел в сторону старосту и что-то прошептал ему на ухо. Старшина в свою очередь отвел в сторону Симона и тоже что-то начал ему шептать.

— Не хочу, — кричал Симон, вырываясь из его рук, — не хочу!

— Ну, если не хочешь, так давай своих свидетелей. Я приступаю к разбору, — строго сказал старшина и принял официальный вид.

Симон не смутился.

— Вот! — указал он на маленькую Маруш.

— Это ребенок. Закон не признает малолетних свидетелей.

— Жена сама узнала!

— Она может врать. По закону обвинение должно быть доказано фактами,— строго и грубо требовал старшина.

Симон сгорал от злобы и отчаяния... Он чуть было не набросился и не задушил старшину, смотревшего на него с таким холодным и грубым равнодушием.

— Так как же быть?

— А так быть, что для выяснения истины произвести следствие. Жену твою я должен повести к доктору, чтоб он исследовал...

Симон остолбенел. Затем кровь ударила ему в голову, лицо исказилось дикой мыслью: все было решено!

— Идите сию минуту за его женой и приведите сюда!— приказал старшина.

Поднялся шум. Некоторые упрашивали старшину, другие останавливали уходивших, третьи ругали «чужака» Симона за то, что он довел дело до этого, и требовали, чтобы он, по крайней мере теперь, пока еще не совсем поздно, отказался от «скандала». Маленькая Маруш прильнула к Симону и своими испуганными глазами смотрела то на говоривших, то на Симона.

В это время в дверях показалась одетая в волчью шубу громоздкая фигура одного из сильных деревни— Петроса-аги.

— Что случилось? Чего вы тут шумите?— важно спросил ага.

И хотя все было ему заранее известно, он внимательно и серьезно выслушал рассказ.

Отец деревни, покачав головой, глубоко вздохнул.

— Лучше бы провалиться вам всем сквозь землю... Ах вы бессовестные, бесстыжие люди!

Эти слова он произнес так таинственно важно, так внушительно, что все опустили головы. Можно было бы подумать, что им, действительно, стало совестно за себя.

— А этот! Этот!.. Посмотрите-ка на него... защищает семейную честь... а сам на всю деревню опозорил жену.

— Что же мне делать?! Что мне делать, когда полирают меня ногами?! Молчать?!

— Ну, а если не будешь молчать?..

— Я убью его!..

— Господи, вы еще здесь? — поднял голову старшина.— Идите за его женой.

— Стойте!— крикнул ага. Снова начался шум, гвалт. Петрос-ага и старшина обменялись несколькими словами.

— Перестаньте шуметь... Чего вы заквакали, как лягушки?! Сандро, пооди сюда!

Он подошел.

— Достань пять рублей!

— Какие?.. Ведь я же ничего не делал...

— Достань пять рублей!

— Да ведь совсем напрасно, ага.

— Пусть будет напрасно, достань сейчас,— рассердился ага.

Сандро, улыбаясь себе под нос, дал ему пятирублевку и хотел было отойти.

— Стой, куда ты!.. Поди сюда. Симон!

— Не пойду!.. Не могу!.. Честь моя не покупная! Ее нельзя продавать.

— Поди сюда!

— Не пойду!— вызывающе кричал Симон.

— Идите же за его женой! Я не шучу тут с вами! Чтоб она сейчас же была здесь!— вмешался опять старшина.

— Стойте!.. Симон, подойди ко мне.

— Да иди же! Чего ты заупрямился,— начали со всех сторон.

— Иди, бери деньги!

— Вот дурачина... Даровые деньги бери и клади себе в карман... Ведь год целый будешь трудиться, столько не заработаешь...

— Эка, что случилось... Иди! Бери!

Оглушая криком и шумом, толкая со всех сторон, Симона подтащили к Сандро. Ага соединил их руки, всунул Симону деньги и крикнул торжествующе: «Ну, теперь целуйтесь!»

— Целуйтесь, целуйтесь,— подхватили крестьяне.

Симон бессознательно наклонил вперед голову и, когда почувствовал на своих губах прикосновение Сандро, весь вздрогнул. Да! Все уже решено! Он не проглотит этого!..

— Ура!— кричали между тем крестьяне.

Примирение состоялось... Когда перешли к другим вопросам, Симон, держа за руку маленькую Маруш, незаметно вышел из суда.

— Я предлагаю десять рублей!— вдруг кто-то крикнул ему вслед.

КАК ДЕД ГАБО РАЗВОДИЛ ШЕЛКОВИЧНЫХ ЧЕРВЕЙ

Мы с дедом Габо встречались в Лоррийском ущелье.

— Э-эй, приятель,— позвал он.

— Что?

— Я ваш покорный слуга. Но как погляжу, новые наши грамотен совсем не от мира сего, а? Что скажешь?

— Почему, дед Габо?

— А потому, что им кажется, будто они всезнайки, а до них ни людей не было, ни того, чтоб кто-то соображал. Вдруг, откуда ни возьмись, нагрянут и начнут забивать тебе голову,—то им пчел разводи, то шелковичных червей, то вот мацун¹ так заквашивай, так сей, так жни—ровно как евангелие читать волку... Помилуй, господи! Да вы раньше спроси, может, те, прежние, уже пораскинули умом, а не хочешь, так хоть выругайся...

— Да ну? Так уж и пораскинули...

— Ладно, братец. Вот я тебе скажу для примера—а ты сам реши—люди мы или зря свой хлеб едим, есть у нас свое суждение или нет? Как-то осенью наш Даво пошел в город продавать свиной. Тут один знакомый дал ему коконы шелковичного червя—свези, мол, в ваши края, выведи. Как он наказал, подеждали мы до весны, а как настала весна, склали этих червей моей жене за пазуху, чтоб они отогрелись и вышли из коконов. Вывелись такие мелкие черные

---

¹ Кислое молоко, род простокваши.

твари — с кончик иглы... Скажи, а ваши умники знают, что ест шелковичный червь?

— Листья туты.

— Молодец, верно... Пошел я в овраг, принес целую охапку тутовых листьев, привязал ветки к ножке хлебного ларя и пустил туда червей. Сколько ни ломился народ посмотреть на них, никого в дом не впустили, чтобы сглазу не было, дайте, говорим, самим посмотреть, что получается... Но тут все эти несчастные черви взяли, да сдохли через пару дней. С чего бы это, а? То ли буйволенка близко привязали, затоптал он их, то ли куры набсжали в дом и их склевали. Но что тут поделаешь? Кур не передушишь и буйволенка не зарежешь. А, может, это от дождя?—он лил сквозь крышу. Тоже подумаешь, будто в городе дождя, что ли, не бывает? Только так ничего у нас и не получилось. Сам видишь, не задаются в нашем краю шелковичные черви, не получается шелководство. Чему ты удивляешься? Есть такие края, где и птица не живет, а в других — пшеница даже не растет... У каждой страны — своя природа, свой обычай, а наши умники и этого никак в толк не возьмут...

ДВА ОТЦА

Зима 1896-го была зимой резни. Горстка беженцев из сасунских мест добралась до Эчмиадзина. Среди них был и престарелый отец Саргис из села А.

— Хочу десницу у Его святейшества поцеловать,— попросил он в патриарших покоях, и его впустили.

— Здравствуй, святой отец,— протянул ему Патриарх десницу. Священник поцеловал и отступил, встал посреди залы, усталый, потерянный.

— Откуда идешь?

— С сасунских мест, я—отец Саргис села А...

— Отец Саргис из А.?

— Да, Святой отец.

— И что же?..

— У меня семья была из двадцати душ. Святой отец,—сыновей убили, невесток увели, внуки потерялись, дом разорили и сожгли, остался вот ни с чем...

— И что же теперь?..

— Ничего не хочу, Святой отец... я... так, пришел... пришел рассказать вам, больше ничего не хочу...

И перед Патриархом стоял человек, который потерял все и ничего не хотел.

Оба молчали.

— Сколько сынов ты потерял, отец Саргис?— поднял голову католикос.

— Всех вместе двадцать, Святой отец.

— Ты двадцать сыновей потерял, а я—двадцать тысяч,—отвечал Патриарх— да еще двадцать, двадцать тысяч и двадцать—сколько будет? Кто больше потерял, отец Саргис?..

Священник стоял молча, только вздрогнул.

— Чье горе больше, отец Саргис?

— Святого отца...

— Ну, так подойди, отец Саргис, подойди ближе, положи десницу свою мне на голову, помолись, благослови меня, чтоб горе это я выдержал.

Проговорил и склонил голову.

Священник поспешил к нему, десницу на голову своему Патриарху положил, стал молитву бормотать, и глаза его наполнились слезами...

Он благословил католикоса армянского...

Перед ним, преклонив колена, стоял Отец армян...

Весну своего детства я провел в наших горах. Мне понравился дом моей бабушки, и я постоянно жил у нее. Мой младший дядя Ахмат был пастухом. Он часто брал меня с собой, когда пас стадо, и я резвился с ягнятами. Иногда он приносил мне с пастбища красные ветки смородины. А по вечерам любил играть на свирели.

В звездные, лунные ночи дедушка с бабушкой и мамины братья, собравшись в кружок у большого костра, хлопали в ладоши, приглашая меня танцевать, — и я порхал в этом кольце, как мотылек.

Ахмат — имя тюркское, и когда мы ели свинину, домашние всегда подшучивали, посмеивались над Ахматом: вот, мол, как он обармянился, совсем армянином стал...

Конечно, услышав его имя, каждый решил бы, что Ахмат турок, но стоило войти в наш дом, как сразу становилось ясно, что именно он — любимец всей семьи.

Ахмат приводил домой кого захочет, угощал и провожал, как положено. Если нищий просил подаяния или сосед приходил взять хлеба взаймы, то Ахмат распоряжался сам.

Младшими в доме Ахмат командовал, — случалось, поколачивал их, бывало, ласкал, как и другие мамины братья. А уж ради домашней скотины душу готов был отдать. Стоило ей приболеть, —

и сам он ходил словно больной, до того прилипал он к ней сердцем.

Ахмата в доме любили все. Занедужит он,— и веселье покидало дом, словно его и не бывало. Весь день и дед, и бабушка хлопочут у его постели, принесут ему все, что найдут повкуснее, снова и снова допытываются, чего еще пожелает его сердце.

2

Однажды я встал утром и увидел, что дома все как-то приуныли.

Бабушка со слезами на глазах слонялась по комнате, не зная, за что взяться. Невестки и девушки, опечаленные и молчаливые, то появлялись в шатре, то исчезали. У входа сидел дед и беседовал с Ахматом, а чуть дальше, понурив головы, сидели мамины братья.

— Бог в помощь тебе, сынок!— говорил дедушка.— Пойдешь по голым камням,— пусть они зазеленеют! Пусть и в нужде тебя не покинет веселье... Ну, вставай,— время идет, а путь предстоит дальний. Вставай, родной... Дай бог тебе счастливого пути, да не стукнется нога твоя о камень.

Ахмат вытер слезы полкой чохи, встал и подошел к дедушке. Дед обнял его, поцеловал и прослезился.

— Да останется нам на пользу груз твой, Ахмат-джан, а наша хлеб-соль пусть будет тебе, как молоко матери. Не забывай нас. Удача придет,— дай знать, порадуемся, туго будет,— тоже дай знать, пособим. Ну, ступай, и да буду я тебе жертвой! Дай бог удачи в пути.

Вслед за ним обняла и поцеловала Ахмата бабушка, потом — все в слезах — принялись обнимать его остальные. Мы, дети стояли молча и неподвижно. Ахмат расцеловал на прощание и нас и пустился в путь, погоняя перед собой двух коров, теленка, буйволицу с буйволенком, овцу и навьюченного осла, за ним бежали две сторожевые собаки. Мамины братья пошли его провожать.

— Да ниспошлет тебе бог доброго пути, Ахмат-джан! Счастливо добратся, сынок!— приложив руку козырьком ко лбу, кричал ему вслед дедушка.

Вскоре после того, как Ахмат скрылся за горой, вернулись мамини братья.

«Отчего все так плакали? Куда пошел дядя Ахмат?» — спрашивал я самого себя.

— Куда ушел Ахмат, нани? — обратился я к бабушке.

— К себе домой, — сказала она.

— А где его дом?

— Не здесь, в другом месте.

— Кто же тогда Ахмат?..

— Ахмат — турок. Он был у нас работником. Э-эх, сколько лет он прожил с нами. А теперь вот — взял заработанное и ушел...

— И больше уже не придет?

— Нет, детка, не придет...

1

Там, где сходятся эти горы, они образуют большое ущелье, Мут-дзор.

Ущелье разделяет между собою турок и армян. По одну его сторону спускаются на кочевье и разбивают шатры турки, по другую — армяне.

В непроглядную ночную темень удалыцы перебираются через эту глубокую пропасть, крадут друг у друга овец, угоняют лошадей, коров и буйволов. Пастухи нагоняют их на пастбищах и пускают в ход дубинки.

Вдруг на склоне горы раздается громкий и протяжный вопль: «Ава-ар, э-эй!» Этот крик, вестник беды, растет, растекается по горам, и мгновенно на кочевьях по обе стороны ущелья поднимается переполох.

2

Турок Гапч-оглы расположился кочевьем по одну сторону Мут-дзора. Оттуда он с вызовом и угрозой поглядывал на армян, разбивших шатры напротив. Люди Гапч-оглы славились в этих горах как самые лихие воры. У него скрывались от суда, под его кровлей находили приют пробиравшиеся через горы шайки разбойников.

Как-то под вечер, возлежа в шатре, Гапч-оглы вел беседу со своими обычными гостями. Это были известные разбойники, путь которых лежал через горы.

— И что это твои парни не перетряхнут как следует этих армян?— выразил свое удивление один из гостей, родом курд.

— Ну, не такие уж они беззащитные, как ты думаешь,— ответил хозяин дома.

— Это они-то?!

— Именно они. Есть там чабан один, Чати его зовут. Настоящим удальцом назову того, кто на этого парня один на один выйдет!

— Так уж прямо!— воскликнул в негодовании разбойник. —Что дашь, если этой же ночью так обделаю дельце, что поутру на той стороне дым не поднимется?

— Голубую лошадь подарю.

— По рукам!

Ударили по рукам. Сделка была заключена.

Страх как темны ночи в Мут-дзоре!

Была как раз такая темная ночь; вдобавок уныло и непрерывно лил дождь. Армянское кочевье спало. Время от времени то там, то тут пастухи глухо покрикивали «Гей, ге-ей!», давая знать, что они не спят.

И вот за полночь мимо шатров пронесся гулкий конский топот. Собаки вскочили, рванулись следом, овцы ошалели от страха, лошади и скот разбежались. «Авар!»— закричали пастухи, поднялась пальба. В густом мраке крики, шум, переполох добавились к ливню и раскатам грома, и ночь превратилась в сущий ад.

— Собак увели! Следите за скотом, э-эй!— загремел голос великана — пастуха Чати.

— Собак увели...— подхватили со всех сторон и кочевье обуял черный ужас. В горах каждому известно, что значит—«собак увели».

Обычно воры—один или двое—врываються в кочевье, стараются переполошить и распугать овец, лошадей, крупный скот. Собаки бросаются за ворами, а те травят псов или уводят их за собой подальше от жилья. И лишь потом, когда взбаламучено кочевье и нет ни одной собаки, налетают их товарищи и, пользуясь суматохой и темнотой, угоняют скот.

Чуть погода последовало второе нападение; поднялся шум и крик, вновь загрели ружья, в темноте все смешалось и ринулось вниз, в ущелье,—пастухи, воры, скот.

В кромешной тьме не было видно ни зги. Вспышки молний на миг освещали ужасную картину, но и глазу человеческому невозможно было толком разглядеть что-либо в этой заварухе. И хотя рассмотреть что-либо было невозможно, выстрелы и выкрики пастухов «Увели!.. увели!.. Алабаш, эй!..» говорили о том, в какую сторону ушли разбойники.

Крики мало-помалу удалялись, становились еле слышными, и вот уже смолкли совсем.

Однообразно шумел дождь, да еще далеко в горах глухо рокотали раскаты грома.

К рассвету парни вернулись. Еще издали в густом тумане слышен был веселый говор и смех. Все добро в целости и сохранности они вернули хозяевам, а сами собрались в шатре пастуха Чати, чтобы перекусить.

С собой они принесли курдский башлык, щит и саблю.

Сразу же разнесся слух: ребята убили курда. Набегали любопытные, сгрудились в шатре и у входа.

Мать Чати стряпала еду для пастухов и нараспев бормотала себе под нос:

— Эх, сынок, и у него, верно, есть мать...

Эх, сынок, теперь его мать с дороги глаз не сведет...

Эх, сынок, скажет мать: мой сын назад не идет...

Эх, сынок, с дороги глаз не сведет, домой не уйдет...

Покачивая головами, ей вторили еще несколько женщин. А пастухи рассказывали, как было дело.

— Окружили мы их с четырех сторон, загнали в ущелье. А там как начали сжимать кольцо вокруг них, они весь скарб побросали и давай убегать! За одним я погнался,— продолжал Чати,— припер его к скале. Гляжу, он обернулся, выхватил саблю — и на меня. «Спасай,— кричит,— шкуру, сейчас надвое развалю!». То есть как это надвое развалишь? Я раскрутил дубинку, как размахнусь, да ка-а-ак тресну!..

— Вот это да!— воскликнули кочевники.

— Грохнулся он — аж земля затрещала!— закончил свой рассказ Чати.

— Ха-ха-ха-ха,— смеялись пастухи.

6

С тех пор прошло несколько недель. И вот однажды подняли собаки лай. Вышли люди, смотрят—старик курд стоит пониже кочевья, голос подает.

— Чего тебе, кирва?

— Мне бы в шатер чабана Чати,— говорит.

Провели его в шатер к Чати. Чати поставил гостю угощение. Пока тот ел, говорили о том, о сем. Когда старик кончил есть, Чати спросил:

— К добру твой приход. Зачем пожаловал, кирва?

— Убили здесь курда несколько недель назад?— заговорил гость.

— Убили,— ответил пастух.

— Говорят — ты убил.

— Верно говорят.

— Я его отец,— сказал старик.— Пришел простить тебе его кровь. Ты его не на большой дороге убил, не среди его отары убил, не в доме его убил... Сколько я ему говорил: сынок, брось ты эту худую дорожку, держись подальше от таких товарищей, не для тебя другие трудились... не послушался он меня. Видно, так и смерть свою нашел,— сказал курд и замолчал, опустив голову.

— Будь крепок в своей вере, раз говоришь по справедливости!— отозвались со всех сторон кочевники, и тоже замолкли.

— Да простится тебе его кровь!— воскликнул старик.— Вот только мать... сам понимаешь — мать... ни-

как не успокоится... Дайте мне его одежду, отнесу ей, пусть над одеждой выплачется, душу отведет, тоску уйдет.

Чати принес и отдал старику залитый кровью башлык, щит и саблю и, гоня впереди овцу, провел старика мимо собак и вывел на дорогу.

— Ну, счастливо оставаться... сынок, — попрощался старый курд.

— Доброго пути тебе, кирва.

О Т О М, К А К П Р И Ш Л А Ж Е Л Е З Н А Я Д О Р О Г А

В 1898 году только-только начала действовать железная дорога, соединяющая Тифлис с Карсом. В одном из селений Лори расселись мы в сумерках на бревнах перед домом дядюшки Уганеса и беседовали. Дядюшка Уганес рассказывал нам, как началось строительство железной дороги.

— Я и наш Симон в нижней трясине лозу резали.

Так рассказывал он.

— И вдруг видим,—несколько человек в белых фуражках вышли из-под низины и пошли по берегу, все вверх и вверх.

— Эй, Симон,— говорю.

— Чего,— мол.

— Тут,— говорю,— что-то кроется, это неспроста.

— А что,— говорит,— может тут крыться, путники, возможно, с дороги сбились, ходят себе.

— Нет,— говорю,— тут что-то есть, после увидишь.

Пришли в село, смотрим—на крыше мельницы Терсов палка белая торчит.

— Эй, Симон,— говорю.

— Что,— говорит.

— Теперь,— говорю,— видишь?

А он мне: что,— мол,— тут такого?

— погоди,— говорю,— после увидишь.

После этого прошло еще время— вдруг видим, газета пришла— так, мол, и так, железную дорогу этой стороной проводят...

— Ну, Симон,— говорю.

— А что,— мол.

— Теперь,— говорю,— видишь, где слово мое себя оправдало?..

— Ох, чтоб ты на том слове тогда и поперхнулся,— подал голос охотник Осеп.

— Зачем так говоришь, парень, что плохого в железной дороге, какой от нее вред?— вступили в разговор другие сельчане.

— А что ж еще, если не вред,— пришла, раскричалась тут в ущельях, лани ни одной не осталось, косули все сгнули...

— Не то что лани и косули, скоро и от меня ничего не останется,— заговорил опирающийся на пастушью свою палку пастух,— как встану на макушке горы, как гляну вниз на те разрытые ущелья: сердце кровью обливается, словно у человека на глазах вражья рука дитя его терзает, а человек и на помощь не может прийти...

— Нет, что уж там, многое испоганится,— поддержали его несколько человек.

И начался спор вокруг железной дороги, на счет того, принесет она пользу или же вред принесет?

Во время этого спора из оврага вышел один из пришлых, тех, что на строительстве железной дороги работали, и подошел к нам.

— Добрый вам вечер.

— Здравствуй, мастер.

— Мне мера муки нужна, кто мне муки продаст?— обратился к нам чужестранец.

— Откуда ты, мастер, из каких мест?— спросил у пришельца дядюшка Уганес.

— С османской стороны.

— Дядя Уганес, ну-ка спроси у него, из какого он города,— попросил один из сельчан.

— Как город твой называется, друг?— снова спросил дядюшка Уганес.

— Сваз.

— Сва-а-аз,— протяжно и многозначительно повторил дядюшка Уганес.

— Что он сказал, дядя Уганес?

— Сваз...

— Ух, чтоб дом твой крепко стоял!..— хлопнули в ладони и засмеялись крестьяне.

— Сколько времени оттуда сюда добираться? — продолжал расспросы дядюшка Уганес.

— Три месяца.

— Ого!.. — в один голос подивились все.

— Пожалуйста, братец-странник, присаживайся, сейчас тебе хлеба принесут, откушаешь.

— Нет, спасибо, некогда мне, кто бы мне муки продал меру?! Мне идти надо.

— Вынесите-ка этому человеку меру муки, кто там есть! — крикнул дядюшка Уганес в дом. — Да с краями насыпьте, сполна.

Одна из невесток дядюшки Уганеса вынесла меру муки, хотела было высыпать в мешок пришельца, но тот не дал:

— Сколько стоит?

— Сначала насыпь в мешок.

— Нет уж, сначала цену узнаем...

— Насыпай-насыпай, цену после узнаешь, — дорого будет, — высыпать недолго.

Мастер подставил мешок свой, невестка высыпала туда муку и вернулась в дом.

— Так сколько надо платить? — спросил мастер, доставая из-за пазухи кошель.

— Ничего, мастер, не нужно, ешь на здоровье, в нашей стране у странников денег за хлеб не берут, нет такого обычая... — проговорил дядюшка Уганес и взялся за свой чубук.

Мастер немного растерялся, замялся, принялся отнекиваться, потом ушел с мукой.

После его ухода помолчали немного, затем один из сельчан заговорил:

— На днях пришел один, — мол, мацуна хочу. Невестки мацун перед ним поставили, поел, встал, сколько, говорит, платить?

— Ты про что? — спрашиваю.

— А мацун, — мол.

— Иди, говорю, человек, своей дорогой, таких вещей мне не говори — молоко у овец отсохнет...

— Братцы, как же нам быть? Кто ни придет, значит — ешь, пей, да еще и с собой уноси. Это который уже по счету, знаешь, нет? На днях и я одному меру муки дал. Куда же это так пойдет?.. — вмешался младший брат дядюшки Уганеса.

-- Если еще придет — дай еще, — подняв голову, спокойно проговорил дядюшка Уганес.

— Чтоб добро в твоём очаге да не перевелось, — пробормотали несколько стариков.

-- Хорошо мне! Значит, пачиная от Сваза, кто ни явится — меру готовь, словно я на них тут работаю... Нет уж, пришел — здравствуй, добро пожаловать, хочешь чего — деньги плати...

И пошел спор. И дядюшка Уганес тоже разгорячился — шумно стало,

— У-у-у...

Гудел в ущелье поезд.

Впервые появился он в наших ущельях.

В сентябре наш односельчанин, охотник Осеп, взял меня с собой на ночную охоту в Егнутское ущелье. Туда по ночам спускаются олени, пасутся на лужайках, перед рассветом идут на водопой, а к утру уходят оттуда и скрываются в пещеры.

Мы решили провести ночь в шалаше огородника Овакима, чтобы чуть свет добратся до места.

Нас было трое: я, охотник Осеп и деревенский парень, работник Осепа.

Шли мы с тем ликующим чувством, с каким обычно идут на охоту. Дорогою беседовали об охоте.

— Охота — дело удачи! — говорил Осеп. — Не успеешь оглянуться — как дичи и след простыл. Непривычный человек сразу ее не заметит: задрожит, собьется и прозеваает. Как только ты заметил дичь, ружье твое должно сейчас же выстрелить, — не то, пока раскачаешься, проканителишься с ружьем, олень вихрем умчится в горы.

— А как же вы ходите за дичью, дядя Осеп?

— Хороший охотник не станет ходить за дичью, он укроется в засаду, — рассказывал охотник. — Он знает, в какое время и где шевелится дичь, — вовремя пойдет туда и засядет. Ежели такой охотник и станет искать, то неслышно, да так, чтобы дичь не учуяла: у дичи такой острый нюх, что лишь учует тебя — конечно, вмиг скроется.

Так, беседа, мы и вечеру дошли до шалаша огородника Овакима. Старик-огородник набрал хвороста, развел костер и подсел к огню.

— Добрый вечер, дядя Оваким!

— А-а-а, здравствуйте, добро пожаловать! И что за славные гости! А я-то сижу один-одинешенек и думаю: вот бы мне собеседника... Видно, сам господь-бог вас послал;— радостно воскликнул дядя Оваким.

— Ты сперва, дядя Оваким, про дичь расскажи— ходит она тут или нет?— нетерпеливо прервал его охотник.

— Осеп-джан, есть в этих местах олень. Заладил он по ночам ходить ко мне в огород. Сколько фасоли испортил! У меня против него ни ружья, ни собаки. А он— не олень, а гора целая. Рога— словно развесистый дуб.

— Это неважно, ты вот что скажи: самки на его рев идут?

— Идут, да еще как! Спать из-за них не могу. Прошлой ночью в верхних кустах они так ревели, что земля дрожала!

— Господь вседержитель!— воскликнул охотник.

Дядя Оваким пригласил нас сесть, бросив на землю сено, а сам прилег на свое место.

— Ребята, я вот думаю-думаю, и кажется мне, что самая лютая тварь на свете— это человек.

— Почему, дядя Оваким?

— Как это почему? Вот, к примеру, вы взяли ружье и гонитесь за дичью, а мы радуемся, что вы убьете оленя, и мы поедим его мясо. Но ведь олень же божья тварь, как и мы. В полночь, как заголосит-заревет— самку лань зовет: у него тоже возлюбленная...

— Пусть пикнет— я ему покажу возлюбленную!— сказал охотник Осеп.

— Нет, грешно, грешно,— помотал головой огородник и, повысив голос, добавил:

— Ребята, коли заговорили о лани, так я вам один случай расскажу.

— Расскажи, дядя Оваким.

— Как-то летом, когда я жил в горах, пришли ко мне и говорят, что заболел внучек,— поди, мол, проведай. Спускаюсь я с гор и думаю: может, дичь какая окажется. Свернул в чащу, порыскал-порыскал и вижу, в одном месте что-то шевелится и куст покачивается: фазан не фазан, а если зверь,— то почему не показывает-

ся? Запустил я камнем в куст и смотрю: олененок — растопырил уши, заерзал на месте и поровит удрать. Хватя я за ружье и нацелился в самую точку. Как выстрелил я, он выскочил и тут же упал. Братцы мои, стал он кричать и стонать, словно умирающее дитя! По рассказам бывалых охотников я знал, что его мать меня заметила и скрылась — вот-вот покажется. Притаился я за деревом и выжидаю. Уж не помню, сколько ждал, но вдруг вижу: несется лань, мать олененка, и как! Врагу бы не пожелал увидеть! Словно разумная тварь спешит спасти свое дитя от смерти! Подбежала — а тут ее дитя лежит распластанное под деревом, окровавленное, бездыханное. Вытянула она шею, ребята, и как жалобно занает, как примется зализывать его рану. Забрал я ружье и побрел домой. Пришел домой — вижу, внучку моему тяжело, борется он со смертью и стонет. Ребята, господом богом клянусь, стонал он, как олененок. Лишь закрою глаза — чудится, что все еще стою я подле кустарника. Ну вот, помер внучек. Кинулась к нему мать — плачет... И говорю я: «Господи, велика милость твоя, какая же разница между нами и той ланью?.. Никакой! Сердце у всех одинаковое, и одинаково больно всем».

Под впечатлением этой грустной повести мы некоторое время сидели молча.

— Дядя Оваким, а ведь говорят, что у лани есть своя покровительница, — спросил Газар.

— Как же! Да еще какая!

— Неужто верно?

— Верно. Охотник Пирум был отменным мастером своего дела, у него ни одна пуля зря не пропадала. Как-то он ранил лань. Та наутек, а он за нею. Гоняясь этак, добрался он до дубовой рощи Зоравор. Тут лань под дубом упала на колени, а охотник Пирум сейчас же взялся за ружье. Вдруг перед ним раскрываются в роще ворота и является прекрасная девушка. Выходит девушка и шлет охотнику проклятья: «Зачем гонишься за невинной тварью, жестокий человек? Что она тебе сделала? Жадный, ненасытный! Мало, что ли, тебе земных благ? Пусть ружье твое наполнится кровью! Пусть в тесто презратится пуля твоя! Да отсохнет твоя рука, что держит ружье...»

Но охотник Пирум человек был умный: он смекнул, что девушка эта — покровительница лани, и вовремя

бросил ружье на ветку дерева. Лишь начала девушка проклинять охотника, как дерево тотчас засохло.

— Дядя Оваким, недаром, значит, говорят, что охота проклята?

— Проклята, а то как же! Проклята охота и еще рыбная ловля — обе прокляты. Есть такое старинное проклятие: чтоб не насытиться ни охотнику, ни рыбаку. Охотника заклял и Кярам. Когда, сгорая от любви, Кярам разыскивал свою Асли, встретил он раненую лань. Видит: животное в мучениях испускает дух, а рядом растерянно стоит девушка. Тут Кярам взял саз и запел песню.

Мы попросили дядю Овакима спеть нам эту песню, и в темном ущелье, возле костра, огородник затянул се старческим голосом:

Как-то весною видел я в чаще
Там на горе плакала лань,
Рядом стоял олененок дрожащий,
Там на горе плакала лань.

Плакала, что умирает до срока,
Что человек поступил с ней жестоко.
Быстро слабея от раны глубокой,
Там на горе плакала лань.

Друг мой! Во имя добра и любви
Зверя не трогай, небес не гневя!
Видел сквозь слезы Кярам, как в крови
Там на горе плакала лань¹.

* * *

Все улеглись спать, кроме меня. В таких местах непривычному человеку ночью не спится: до него доносятся тысячи звуков, и он весь отдается раздумьям.

Шум ночного ветерка, прошелестевшего над кукурузой, я готов был принять за пробравшуюся в огород лань, о которой рассказывал дядя Оваким. Вдали, в ночной тьме, выделялись какие-то черные фигуры.

Мне не спалось.

Я вышел из шалаша. Стояла ясная осенняя ночь. Сухой холод проникал под одежду. В ущельях слышалось какое-то шипение. Казалось, что они спят, мирно похрапывая, как дядя Оваким.

¹ Здесь и в дальнейшем перевод стихов А. Наймана.

Но вот взошла утренняя звезда, пора было трогаться в путь. Я разбудил товарищей. Они поспешно обулись, и мы пошли...

* * *

Еще до зари сели мы в засаду. Я со своего места следил за перелеском, раскинувшимся перед моим взором. За ним стоял густой, непроницаемый темный лес.

Постепенно расступалась ночная мгла. Из предрасветного тумана выглянули грозные скалы. Небо стало бледнеть и проясняться. Занималась заря. Подул предутренний ветерок. Закивали головками цветы, затрепетали травы, зашуршали листья. Лес просыпался. С одного из кустов послышался птичий щебет, несколько поодаль — тоже, дальше — тоже...

Я незаметно вышел из засады и, как зачарованный, глядел на природу в тот ее священный час, когда возникает первый луч.

Вдруг донесся звук... неподалеку в лесу треснул сухой сучок. Гляжу в ту сторону. В лесу все еще темно. Глаза не различают, что там творится, лишь ясно слышу осторожные шаги по опавшей листве — хишш, хишш, хишш!.. Ничего не видно, но снова — хишш, хишш, хишш!.. — слышится все ясней. Наконец, вот он!

Я впервые увидел оленя на воле. Он вышел спокойный, гордый, величавый и прекрасный, как властелин и царь природы. Наполовину еще скрытый в темноте леса, он остановился, пригнул смуглую морду к земле, потом поднял голову, с дикой грацией повернул длинную шею и посмотрел в мою сторону.

То был самый чарующий взгляд, когда-либо встреченный мною в жизни!

Я смутился, стоял пристыженный, и хотел было спрятать ружье... Но не успел я шевельнуться, как он поспешно отвел свою лебединую шею. И в ту же минуту из засады прогремел выстрел Осеп, отдавшийся раскатистым эхом по ущелью. В лесу снова зашуршало. Олень убежал.

— Чтоб тебе пусто было! — негодуя на меня, выскочил из засады охотник Осеп и кинулся к ближайшему холму — посмотреть, не покажется ли снова олень?

Наступило утро, и было уже настолько светло, что мы без труда обнаружили на траве следы свежей крови.

Олень был ранен. Мы пустились искать его по этим следам.

— Раз столько крови потерял, куда бы он ни девался — все равно наш! — сказал охотник Осеп.

* * *

Под вечер мы нашли оленя в лесной чаще. Он лежал и, увидев нас, протянул к нам свою гибкую шею. Я заметил, что он с трудом держит голову и смотрит мутным, неясным и беспокойным взглядом. Вдруг, как бы что-то сообразив, он попытался встать, но, чуть поднявшись, с бессильным тяжелым вздохом упал в лужу крови.

Охотник кинулся к нему... Я хотел что-то сказать, но постыдился... Он схватил голову оленя и оттянул его прекрасную шею... Я хотел было вмешаться... и не решился. И вот блеснул кинжал.

Я отвернулся, делая вид, что гляжу на горы. Сзади послышался глухой стон... и не знаю почему, я стал думать о жизни и смерти. И такой безобразной показалась мне жизнь!..

— Доброго вам утра.

— А-а, здравствуй, здравствуй, дядя Хечан. А ну-ка, несите чай, хлеб, поднесите рюмочку дяде Хечану. Будем здоровы, дядя Хечан, что нового, ты в город прибыл, может, случилось что?

— Э-э, что могло случиться? Так... Соскучились, затосковали... Я себе говорю: сегодня мы живы, а завтра — нас нет... Дай-ка проведу их.

— Спасибо, спасибо, дядя Хечан.

Дядя Хечан выпил чаю, поел, потолковал о том-о сем, умолк и закурил чубук.

Вдруг он вынул чубук изо рта:

— Ну, а как быть-то?

— В чем дело, дядя Хечан?

— Вишь, вот малютку в солдаты забирают.

— Что же я могу сделать?

— То есть как — что? Там твоя тетка сидит и плачет, а ты...

— Ну, говори. Все, что в моих силах — сделаю.

— Давай сперва пойдем, достанем метрику, подумаем, что делать.

— А что ж... Пожалуйста.

Пошли в консисторию.

Я попросил архивариуса принести книги метрических записей того года, который назвал дядя Хечан. Ищем, роемся в книгах, сына дяди Хечана — нет.

— Как же это, брат, а?

— Ну, нету, дядя Хечан.

— Поищите-ка на несколько лет ниже, может, мы ошиблись.

Принесли другие книги. Ищем, ищем — в них тоже нет.

— Ошиблись... Вот уж точно — ошиблись, — говорит дядя Хечан, — малютка — я так прикидываю — должен быть старше. Мне бы сказать, чтоб выше смотрели, а я говорю «ниже».

— Ладно, дядя Хечан. Поищем выше.

Снова принесли книги, снова ищем, ищем — в них тоже нет.

— Нету. Священник не вписал.

— Ну, а как быть-то?

— Что делать, коли нету? Пошли, дядя Хечан.

— Куда, куда пошли?! Там твоя тетка сидит и плачет, а ты...

— Что же делать, коли нету?

Вышли. Прошли шагов пятьдесят, вдруг дядя Хечан остановился.

— Постой.

— В чем дело, дядя Хечан?

— Как будто куда-то пришли, да еще и уходим?

— Идем домой — и все.

— Куда это годится?..

— Что же делать?

— Так ведь я ехал с надеждой на тебя, а с чем мне теперь уезжать?

— Я-то при чем, дядя Хечан? Книги — сам видел, за столько лет переворошили, все верх дном перевернули — нету.

— То есть как — нету? Что же получается — сыновья всех отцов там, а моего сына — нет?

— Но если так, то что же делать?

До самого дома дядя Хечан не проронил ни слова.

— Ну, добились чего-нибудь? — спрашивает моя жена.

— Еще увидим, — говорит дядя Хечан.

— Да что тут видеть? Не вписан в книгу — вот и все, — говорю я.

Дядя Хечан закричал.

— Все, все! С чем я к тебе пришел, с тем от тебя и уйду, вернусь домой, — и дядя Хечан загрустил и принялся налегать на чубук.

Настал час обеда. Молча сидим за столом — вдруг дядя Хечан перестает есть и говорит мне:

— Ну, положим, я уеду... А что мне теперь сказать твоей тетке?

— О чем?

— Об этой метрике.

— О-о, дядя Хечан, так ведь нет ее, не вписал священник, не-ту...

— Ну, такое скажешь, право...

— А как еще сказать? Нету. Говорю тебе — нету.

Дядя Хечан закричал и набил свой чубук.

После обеда я пошел в кабинет — отдохнуть. Лежу и думаю, ну и народ наши крестьяне.

Смотрю, — входит дядя Хечан.

— Спишь?

— Да.

— Разве сейчас время спать?

— А что делать, дядя Хечан?

— Так ведь я пришел и застрял здесь, а ты что делаешь?

— А что мне делать, дядя Хечан?

— Что ты мне скажешь об этой метрике?

— О-о, удивительный ты человек, ну, ей-богу, — ведь тебе ясно сказали — дядя Хечан, нету твоей метрики, нету!!!

— Да, ладно, ладно, чего ты обижаешься? Раз нету, то я вернусь домой. Будьте здоровы, — и, бормоча что-то себе под нос, вышел.

Проснувшись, — смотрю: сидит дядя Хечан на балконе и посасывает чубук. Я взял шляпу и пошел.

— Куда идешь? — крикнул мне вслед дядя Хечан. — Что скажешь об этой...

— Ничего не скажу.

— Уходишь?

— Да.

— И метрику не поищешь?

— Нет, не могу.

После этой истории дядя Хечан рассказывал в деревне, что, будучи в затруднительном положении, приехал он ко мне, просил меня о помощи, а я сказал — не могу. И никто, мол, в городе не прислушался к его словам и даже не посмотрел в его сторону...

КАМЕННАЯ БАНЯ

Киракос простудился и слег в лихорадке. Соседи пришли его проведать. Рассевшись вокруг больного, беседовали они и дымили из чубуков.

— Ребята, ежели он не пропотеет, толку не будет, давайте-ка устроим ему каменную баню,— предложил дядя Несо, утопая в облаках табачного дыма.

— Это дело!— одобрил сосед.

— Больше ничего и не остается,— отозвались остальные.

— Киракос!

— Чего-о-о?

— Про каменную баню толкуем, что ты скажешь?

— Боюсь... не выдержу...

— Выдержишь, не маленький.

— Вам виднее... милые...

— Эй, бабы, налейте-ка воды в котел, да камней натаскайте, побросаем в огонь, пускай накалятся.

Поставили котел на очаг, наложили в огонь камней и снова расселись. Дядя Несо принялся рассказывать, сколько народу спасла каменная баня: Матананц Данэла, Матосанц Минаса, Цатуранц Степана, Машковоранц Мико...—и так, пока не закипела вода и не накалились камни.

— Ну, пора за дело!

— Боюсь, братцы,— застонал больной.

— Помалкивай! Хозяюшка, принеси-ка нам два толстых одеяла, а вы парни — кто поздоровее — идите сюда!

Водрузили среди избы обернутый в тряпье бурлящий котел, рядом положили больного и побросали в кипяток раскаленные камни. Зашипели камни, тучей взвился пар. Тотчас же котел и больного накрыли одеялами, а сами уселись сверху.

— Ой, задыхаюсь! — приглушенным голосом вопил больной.

— Не задохнешься!.. Ребята, крепче садитесь! За голову да за ноги держите его хорошенько.

Больной голосил, отчаянно сопротивлялся, пытаюсь шевельнуться, но сидевшие на нем верзилы изо всех сил сдерживали его.

— Куда тебя несет? — кричали они, гогоча и нажимая все крепче.

— Теперь-то уж он наверняка пропотеет!

А дядя Несо, сидя на больном, посасывая трубку, продолжал рассказывать:

— Так же вот однажды простудился и наш Абгар. Отвар цветка кантап давали, порошков всяких, растирали тело уксусом — толку никакого. «Ребятки, говорю, давайте-ка закачу я ему каменную баню!» — «Ну что ж, говорят, тебе виднее». Развел я здоровенный огонь, налил в щербатый бабушкин котел воды и поставил на огонь. Набрал камушков и в самый жар побросал. Закипела вода, раскалились камни. А Абгар все свое долбит: «Боюсь!» Такой же трусишка, как и этот.

— Ну что ты, Абгар парень смелый и сердце у него крепкое.

— Он-то крепкий? Как-то осенью наткнулся я на медвежью берлогу. Прихожу: так и так, Абгар, нашел я медвежью берлогу, пойдём — подымест зверя. Пошли. Взял я хворостину и давай тыкать в берлогу. Вдруг проклятый медведь как выскочит, да как меня облапит. «Абгар, помоги! Выручай, Абгар!». А Абгара и след простыл. Вырвался я кое-как из медвежьих лап и пустился бежать. «Что же ты, братец, сделал?» — говорю ему. А он мне: «Я, мол, домой за дужьем бегал» Вралы! С испугу убежал. Так о чем, бишь, я? Да, Абгар тоже вот так: «Несо, милый, боюсь, — не надо каменной бани». Но мы его не послушали. Накидали раскаленных камней в котел, и как только поднялся пар, укрыли Абгара с головой. А он кричит — умираю да умираю!

Так мы его и послушались! Насели на него: я, наш Лукас, Пилон, Габо, Арут... Абгар все овет под оде-

ялом, да ведь как орет!.. Покричал, покричал и успокоился.

Пораскидали мы одеяла, и видим — весь в поту лежит. И поправился, еще здоровее стал.

Когда дядя Несо кончил, все поднялись и откинули одеяла. Пар разошелся по всей избе. А Киракос?..

— Киракос!

Ответа нет.

— Киракос!

Молчание.

— Киракос! — окликали его, теребили, тормошили.

Не стало Киракоса.

— Как же это так, братцы, — а? — растерянно сказал дядя Несо.

В ответ — глухое молчание.

— Ой, да обрушится на меня мой кров! — взвизгнула жена Киракоса.

Толкая друг друга локтями, мужики выбрались из избы и столпились на крыше. И в то самое время, как вдова Киракоса оплакивала мужа, его приятели, усевшись на крыше, говорили о том, как много народу задохнулось в этой каменной бане: Анесанц Аро, Мелконанц Варе, Ахверданц Аге, Шамаланц Шамил... всех не перечесть.

— Это уж как кому на роду написано. Ведь не Несо же их всех прикончил.

А Несо сидел, опустив голову, молча слушал рассуждения крестьян и сосал свой чубук.

С В Е Р Ч О К

Тчыр-р-р... тчыр...р-р... тчыр-р-р...

Вы слышали, вам знакома эта грустная трескотня? Смешавшись с ароматом цветов и свежестью травы, неумолчный печальный треск струится вдоль весенних полей.

Слышали, конечно. И не раз. И кто знает,— может, и лежали где-нибудь на поляне в это самое время, в тени дерева, углубившись в ясную синюю бездонность неба, погрузившись в легкие чистые мечты, а кругом — во все четыре стороны — разносилось сплошное, нескончаемое тчыр-р-р... тчыр-р-р...

Это сверчок. Полевой сверчок со своими звонкими неугомонными товарищами, которым нет числа.

Или, может быть, вы помните такое меланхолическое потрескивание? В легкие прохладные сумерки оно льется, одинокое и монотонное, из какого-нибудь угла мирного сельского домишки. И такую приятную грусть навевает, такую умиротворенность вносит и будит воспоминания далекого детства и, кажется даже, еще дальше уводит — во времена давние, незапамятные...

Это уже сверчок домашний. Он любит тепло и живет обычно где-нибудь за печкой, в какой-нибудь маленькой не приметной щели. По ночам он выходит из своего укрытия, крошки всякие подбирает от еды. Тем и живет, и поет круглый год.

Его присутствие в доме и его пение наши бабки считали приметой счастья.

Воистину, счастье—иметь в доме такого певуна.

Древние греки сверчков вылавливали, собирали в маленьких клетках и подвешивали к окну. А сверчки пели.

Да, да, не удивляйтесь — получая в день по листку салата, сверчки быстро свыкаются с неволей и живут даже дольше, чем на воле — подверженные тысяче всяческих напастей.

Один знаменитый энтомолог, он же крупный поэт, сказал как-то: я с удовольствием поставлю сверчков во главе певцов весеннего пробуждения.

Видите, как оно — соловей-насекомое едва ли не побивает в пении соловья-птицу.

А случилось ли так, что вам хотелось найти, увидеть своими глазами нашего маленького знаменитого певца?

Вот как это обычно бывает — ты прислушиваешься, идешь на звуки голоса, уже ты близко — и вдруг он замолкает. Потом поет откуда-то издали, в какой-то противоположной стороне. Ты — туда, и снова та же история: голос замолкает, потом раздается спереди, сзади, слева, справа — отовсюду.

И ты удивляешься, теряешься, не знаешь, что и думать. Где же он, наконец?

И как тут ни старайся — по голосу не найдешь его ни за что. Так и будет морочить тебе голову.

Что же это за премудрость такая, что он там проделывает, как удается ему водить нас за нос?

А ведь все очень просто.

У сверчка есть два прозрачных сухих и ломких внешних крыла, краями вниз. Правое крыло всегда находит на левое. А правое крыло вот какое премудрое: в основании его есть такой твердый бугорок, от него тянутся пять прочных крепких блестящих нитей, средняя нить — рыжеватая и колючая. Это и есть смычок. Его игру мы и слышим. А другое крыло, левое, оно всегда под правым. И устроено оно точно так же, только нити тянутся по внешней стороне крыла. Вот и получается, что нити правого верхнего крыла и левого нижнего ложатся друг на друга. Сверчок водит одним смычком по другому и ловко управляет звуком.

Если он, играя, поднимает крылья — звук льется свободный, широкий. Если опустит их, прижмет к телу —

пу—тение затихает. Это, как, если бы дотронуться рукой до звенящей посуды — звук сразу становится глуше.

Мы голос сверчка слышать — слышим, а самого отыскать не можем.

Чтобы найти сверчка, надо гнездо его найти, дом. Ведь сверчок чаще всего или в доме своем сидит или где-нибудь поблизости. Не любит он далеко от дома отлучаться.

Вот, смотрите, — смотрите — видите? — вот его черная головка, вот он высунул ее из гнезда, водит туда-сюда длинными шупальцами — мы их называем усами. Вот он почувствовал наше приближение, стал поспешно отходить, в гнездо спрятался. Больше он уже не покажется. Но я знаю, как его вытащить оттуда. Мы в детстве в таких случаях брали лучинку или соломинку и шарили в гнезде. Уж не пойму — удивившись или рассердившись — сверчок выскакивал из гнезда и бросался стремглав бежать. Но бывало, что и не вылезал, а, наоборот, еще глубже в гнездо прятался. На то существовал другой, более основательный способ: надо было затопить гнездо, залить водой. Тут уж волей-неволей певец наш выбирался на солнце.

Итак, дом затоплен водой.

Когда я говорю — дом, не думайте, что я шучу. Я сам не был у него дома. Но по свидетельству известных и авторитетных энтомологов дом сверчка чище и красивее многих человеческих жилищ.

Место для своего дома сверчок всегда выбирает в солнечном, сухом и зеленом краю. Над входом в дом обычно свешивается пучок сухой травы или цветок — чтобы заслонить вход от всяческого сглаза и заодно от жары. Перед домом — маленький, чисто подметенный дворик. А в доме — основная комната и перед нею — сени, иначе — передняя. Стены комнаты — гладкие, аккуратные, в комнате даже шкаф есть. И за все время своей жизни на земле сверчок стремится к красоте и совершенству. Среди своих прямокрылых соплеменников он один такой — только он строит себе дом для постоянного жилья. Двор, комната, сени, да еще и шкаф — подумать только!

В самом деле — скажите на милость — чем его дом хуже нашего, человеческого? И сам хозяин — прекрасный музыкант — чем он хуже человека? А приглядитесь-ка внимательно к его голове — на голову старого

человека похожа. Наверное, благодаря музыкальным способностям и такой вот голове — про сверчка существует предание: «Когда-то — было такое время — сверчок человеком был. Очень веселым и жизнелюбивым человеком. И попросил он однажды у бога, чтобы тот ему вечную жизнь даровал — так ему жить нравилось. Только вот, когда он о вечной жизни просил — забыл заодно попросить, чтобы бог его вечно молодым оставил. Забыл, что поделаешь... И вот бог его неполную просьбу и выполнил. Человек этот жил, жил, старел, старел, и таким уже под конец старым стал, что усох, сморщился и вовсе в крошечного старичка-сверчка превратился».

Как все люди-артисты, — сверчок питает ненависть к толпе и любит уединенность. Так и живет он один в своем красивом доме. Да — и при этом он очень ленив, как это вообще водится среди певцов.

Вот настает май. Сверчок устраивает себе жилье, садится у своего порога — непременно у своего порога — и начинает петь. В вечерние часы, в лунные звездные ночи, в серые сумерки — сидит у своего чистенького порога и играет, или, как принято говорить, — поет: тчыр-р-р... тчыр-р-р...

Поначалу поет для себя одного — восхваляет красоту весенней ночи, славит радость жизни. А чуть погодя — переходит на любовные песни — поет и призывает свою прекрасную соседку, которая живет неподалеку, в таком же чистом домике, со входом, завешенным пучком травы, с таким же маленьким, как у него, подметенным двориком.

Соседка петь не умеет и никогда сама не поет, но к песне равнодушна. Особенно, когда в песне поется про ее красоту, когда песня — для нее. И она спешит на зов, идет к соседу в гости. Они обнимают и ласкают друг друга и соединяют в любви свои жизни. Но союз их бывает недолгим и несчастливым. Примерно после десяти свиданий наш певец умирает, истощив все силы. А случается и так, что недавняя его подруга нападает на него, раздирает на куски, пожирает самого певца, и отбрасывает в сторону превращенную в лоскут скрипку. Ту самую скрипку, которая еще недавно так задумчиво пела для нее.

Домашний сверчок в своем надежном теплом углу, как мы уже сказали, живет долго. А полевого сверчка постоянно подстерегает тысяча опасностей — ящерицы, челы всякие, птицы, — летит, скажем, птица, и вдруг —

пыж-ж-ж...—и оклюнула нашего беззащитного сверчка. И отлетела. И насадила на колючки терновника — на зиму себе про запас.

Но даже если ты уцелел от всех этих напастей,— то от природы никуда не денешься.

Наступают осенние холода. И вот в один из холодных октябрьских дней, в последний раз на крыльце своего дома,—в осенний холодный закат,— сверчок поет свою последнюю прощальную песню — и засыпает вечным сном. Холодный ветер засыпает сухими травинками его безвестную могилку, а чуть позже бесследно хоронит ее под белым снегом. И свистит над ним зимняя вьюга — ву-у-у...

Таков порядок природы.

Родился, прожил и умер, оставив после себя потомство — 300—600 сверчков. Так утверждают ученые.

Самка сверчка откладывает яйца в надежном защищенном месте. И заботится — чтобы и сухо было в гнезде, и тепло, и от влаги далеко. Да еще и корм своим детенышам наперед заготавливает. Ученые диву даются — откуда у сверчка столько ума и разума? Ведь сам сверчок никогда своих детенышей в глаза не видит. Не знают они ни матери, ни детей — откуда же у него этот опыт? Сами посудите,— когда он вылупливается весной, матери его уже нет на свете,— она умерла еще прошлой осенью. И сам он — кладет яйца и умирает, и что же там будущей весной из этих яиц вылупливается — не знает. Как же это получается, что он все предвидит и несет заботу о будущем поколении? Ученые на это отвечают — инстинкт. Бессознательный наказ природы.

Значит, инстинкт.

Но кто знает, может, наш маленький музыкант наделен и другими качествами — например, способностью мыслить? Очень может статься, что так оно и есть, хотя инстинкт сам по себе — уже великая вещь, и у животных порой он развит гораздо сильнее, чем у человека.

Так вот почему сверчок заботится о будущем поколении.

И рождается весной новое племя сверчков. Новоявленные сверчки четыре раза меняют свой облик, четыре раза сходит с них кожа. И только на четвертый раз малыши оборачиваются настоящими полноценными сверчками. И это же — они первым делом задумываются о жилье. Они затевают драку за обладание родительским кровом. Кто-то безвременно погибает в этой

борьбе, кто-то выходит победителем, — остальные разбредаются и трудами своими строят себе дом.

И вновь под синим ясным небом, под улыбчивым небом, в новых цветущих полях продолжается жизнь, раздаются рулады сверчков — тчыр-р-р... тчыр-р-р... тчыр-р-р...

Словно ничего на свете и не происходило, словно не менялось ничего...

I

Глубокой осенью вечер настиг меня в одной из лорийских деревень в горах, и я попал в гости к дяде Андриасу, старому и бывалому пастуху.

В горах есть обычай: если пришел гость, на встречу с ним собираются все соседи. Расспрашивают его обо всем, что творится на свете, обмениваются впечатлениями. Так и на этот раз крестьяне собрались у дяди Андриаса.

Хозяин разжег в очаге большой огонь, и мы удобно расположились на широких тахтах и уже было завели беседу, как вдруг тревожно залаяли собаки.

— Волк!.. — хором воскликнули крестьяне.

— Почему вы так думаете? — спросил я.

— На волка собаки лают.

— Как это на «волка лают»? Разве же они не всегда одинаково лают?

— Нет.

На волка собаки лают по-особому, не так, как на человека. Да и на человека лают по-разному: на вора по-одному, на прохожего — по-другому. Ежели человек один — этак, если несколько человек — иначе.

Тут послышался выстрел, собаки залаяли пуше прежнего, поднялся шум.

— На помощь, эй!.. Унес, унес, эй!..

Крестьяне высыпали на улицу.

Где-то за деревней, в ночной темноте, слышался ~~глухой~~ шум.

Я остался один.

Собравшись у дверей избы, ахали и охали женщины. Одна из них, старуха, проклинала волка.

— Чтоб ты сгинул, чтоб ты сгинул!.. — причитала она и шептала заклятие против волков:

Адалос,

Галалос,

Свяжу волка двумя перстами,

Двумя перстами, двумя пальцами,

Сладким молоком божьей матери,

Волосом коня святого Саркиса,

Красным камнем мучеников.

Путь волка запутаю,

Зубы сделаю мягкими,

Ноги — слабыми,

Уши — глухими...

И снова повторила: — Чтоб ты сгинул, чтоб ты сгинул!

— Что там такое, нани? — спросил я, хотя и знал, что тревога поднялась из-за волка.

— Волк, сынок, волк. В деревню овец пригнали с гор, а он следом пришел.

Нестройной толпой, шумно разговаривая и смеясь, вернулись в избу крестьяне.

— Говорили мы тебе?..

— Что, правда, был волк?

Вместо ответа из круга вытолкнули смуглого семнадцатилетнего юношу.

— А ну, сынок Симон, расскажи, как было дело.

— Ну, гнал я овец домой. Дошли до села, гляжу — что-то овцы шарахаются, а собака норовит в середину стада залезть... Тут как раз собаки из-под куста волка подняли, да за ним: «Догоняй, эй, догоняй!.. Держи, эй, держи!..» Гляжу, часть овец от стада отбилась и — враспыленную. Обернулся — волк! Схватил одну овцу, тащит

ее, хвостом подгоняет, а овца с ним рядом бежит — в ногу... Прямо как верховой на свадьбе!.. Эй, эй!..—бросился я туда.

Как грянули выстрелы, волк кинул овцу и сбежал.

— Он, проклятый, в стаде прятался,— заметил дядя Андриас.

— Такой уж обычай у них,— продолжал он, обращаясь ко мне.— Выходит волк с волчихой. Один из них прячется недалеко от овец, а если удастся — то и в самом стаде. Другой нарочно вертится около собак и пастухов, и увлекает их в погоню за собой. Пользуясь суматохой, волк, укрывшийся в стаде, уносит овцу, прячет ее и возвращается, чтобы помочь другому волку. Бывалый пастух за убегающим волком никогда не погонится — знает, что беда грозит ему сзади.

— Ну и этот молодцом оказался,— похвалил я пастуха,— сумел овцу целой вырвать у волка из пасти.

— Разве овцу целой из волчьей пасти вырвешь?— ответил тот.— Если волк чует, что овца ему не достанется, он одним рывком отгрызает у нее курдюк и уносит.

— Это верно,— подтвердил дядя Андриас.— Раз волк добрался до овцы и не может унести ее, обязательно курдюк оторвет.

— А если к скотине подбирается, всегда за горло хватает,— добавил один из пастухов.

— С крупным скотом волку не просто справиться. Стоит зареветь одному животному, как все остальные знают, в чем дело: когда нападает волк, скотина кричит по-особенному. Все стадо сейчас же собирается вместе, животные становятся бок о бок, в круг, головами внутрь, хвостами наружу...

— Скотина скорее пугается, дядя Андриас, и легче становится добычей волка. Но то, что делает с волком лошадь, ни одно животное не может сделать. Лишь почует лошадь запах волка, поднимет уши, начнет ржать, фыркать, и сейчас же весь табун собирается в одном месте. Кобылицы образуют круг, загоняют жеребят в середину и стоят головой внутрь, задом наружу, копыта — наготове для встречи врага. Не сдобровать тогда волку!..

Жеребец всего опаснее для волка. Жеребец не войдет в круг с кобылицами. Распустив гриву, он ржет и бешено носится вокруг табуна, бросается на волков и

первого же волка бьет ногами, топчет или сбивает одним ударом задних ног.

Если кобылица одна, она не двигается с места, стоит, прикрывая жеребенка грудью.

На лошадь волк кидается то с одной, то с другой стороны, внезапно хватает ее за горло, с одного разу вспарывает ей брюхо. Иногда хватает за морду. Порою волк появляется возле лошади и, делая вид, что боится ее, начинает убегать. Лошадь, задрав голову, бросается за ним, но тут волк внезапно оборачивается и нападает на нее.

— Это он с ослом так делает,— сказал дядя Андриас.— С ослом волк поиграет, потом, прижав уши, бежит от него. Осел бросается за ним, точно преследует. Так понемногу волк уводит осла, пока не доведет его до подходящего местечка. Там он его и съедает... Недаром говорят: «Могила осла — брюхо волка»...

— За волком и овцы гонятся,— заметил кто-то.

— Как раз их двоих — осла да овцу — волк больше всего любит.

— Но реже всего трогает он свинью и буйволов.

— Неужели волк так безбоязненно подходит к селу?

— Сытый волк — страшно трусливое животное,— ответил дядя Андриас,— но сейчас для волка начинается тяжелое время. Наступает зима, охота в лесу становится труднее, а стада спускаются с гор, возвращаются домой. Волку есть нечего. А когда голод станет нестерпимым, волк и в село придет, и в дом войдет. Пришудит голод— волк зимой и собаку с порога утащит. За мышью охотится. Гнилушки ест... Своего детеныша съедает... От голода волки собираются зимой в стаи...

В наших горах зимой волки кое-что еще могут найти: зайцев или другую мелкую дичь. Сгоняют козуль и оленей к замерзшим речкам, на лед,— звери скользят и падают, и тут волки душат их и съедают. На равнинах, где волку нет поживы, он становится от голода еще смелее и опаснее. Бывают случаи волчьего бешенства.

— Я бы мог кое-что рассказать,— вмешался в беседу шорагалец Аво.

— У нас на равнинах,— начал он,— волк не в пример опаснее, чем в горах. У нас зимой волки по ночам по деревне гуляют. Собак прячем, чтобы не унесли, не съели. Зимой в наших местах очень опасно одному ходить, особенно ночью. Помню я случай, который со мной приключился. Был у нас вол по кличке Циран.

Как-то зимой он вдруг пропал. Брат послал меня на поиски, а было мне тогда лет шестнадцать-семнадцать. Обошел я всю деревню — не нашел вола. Недалеко от деревни стояли хлевы. Я и подумал: не забрел ли туда по привычке вол? Пошел, заглянул в один хлев, в другой — нашел вола. Вывел. Гляжу — уже темнеет. На сердце беспокойно: вижу, что засветло домой не доберусь. Думаю: идти или нет?

— Как тут быть?.. Вокруг снежное поле. Ни домов, ни людей, а со мной хворостинка да нож...

Что было делать? Помянул бога да погнал вола вперед. Прошли немного, вдруг ветер доносит до меня какой-то жалобный звук. Остановился, прислушался... Слышу: волк воет — у-у!..

Вскоре завылла вся стая. Смотрю: вдали, справа, в темноте попарно горят огоньки, много их, и движутся... Сразу понял, это вошьи глаза — голодная стая... Поворотил вола назад к хлевам, гоню его и сам бегу, что есть силы! Обернулся, а волки близко. Бросил вола, кинулся в хлев, по столбу поднялся наверх — под крышей есть где укрыться...

— Да, знаем, на перекладинах...

— Вот... Влез я на перекладину, еще не устроился как следует, слышу, заревел мой вол. Диву даешься, как это волки в одну-две минуты одолели такое расстояние и настигли вола...

— За волком не угонишься, — сказал дядя Андриас. — Стоит где-нибудь на вершине горы, глядишь — через минуту подле тебя выскочил. Потому-то и называют волка Азраилом.

— Да, — продолжал Аво, — недолго ревел мой вол. Скоро он стал хрипеть, а там слышу — волки зубами щелкают.

— Циран-джан! — вздохнул я. — Но разве до Цирана мне?.. Свою головушку оплакиваю. Оно даже к лучшему, — думаю, провозятся они с волком до рассвета. Или насытятся и уйдут, или, может, меня не найдут. Да где там голодным волкам насытиться! Я пятьдесят волков скажу, а вы сто понимаете. Разом Цирана сожрали... Вижу — набились в темный хлев, огни горят попарно и пасти разинуты... Нашли!..

Пришли, набились в хлев, жадно смотрят на меня. Пасти оскалили. А я весь съежился, прилип к перекладине... Поглядели волки на меня, поглядели и ушли из хлева.

Перевел я дыхание. Слава тебе, господи, говорю, пронесло, избавился.

Не успел я договорить «слава богу», вдруг слышу: как раз надо мной волки когтями землю на кровле роют, лапами отбрасывают. Слышно уже, как их когти бревна царапают...

Меня холодный пот прошиб... Поскорее переменяю место, перебрался на другое бревно, съежился и сижу.

Волки прорыли дыру, видят — меня нет. Снова бросились в хлев, увидели, что я перелез на другую перекладину, ушли. Стали рыть над новым бревном.

Снова перебрался я на новое место. И так, следуя за мной шаг за шагом, они рыли крышу, а я, меняя места, добрался до последней перекладины.

Больше деваться некуда!..

Со мной был острый нож. Достал, раскрыл, держу наготове. Сам молитву творю: «Спаси меня, боже, от этой беды...»

Волки роют как раз над моей головой. Один из них просунул лапу, чтобы расширить дыру. Схватил я лапу, да так тяпну ножом... Волк взвыл, убрал лапу, визжа, бросился назад, но тут на крыше началась свалка, и я понял, что волки — так уж у них заведено — рвут и подают раненого волка. Ну, думаю, кончат, вернутся ко мне. Держу нож наготове, жду, прислушиваюсь. Среди ночи, как во сне, слышу далекий голос:

— Аво, Э-эй!..

Меня зовут!..

«Господи, неужели меня зовут?.. Неужели брат?.. Неужели свои?..»

Кричу что есть мочи:

— Аганик, эй!.. Здесь я, в хлеву... волки меня едят... Помогите, э-эй!

Моих криков не слышно, хотя и кричу я не переставая изо всех сил.

Раздались выстрелы; слышу: воют волки, кричат люди... ясно разбираю голоса брата и наших деревенских парней.

— Аво, эй!..

— Здесь я, здесь, жив!..

Люди вбежали в хлев.

— Слава тебе, господи, слава тебе, господи!... — радостно кричат они.

Спустился я вниз с последнего бревна, бросился брату в объятья и зарыдал.

— Ну чего же ты плачешь? Пойди, бога поблагодари за то, что вновь родился, — услышал я голоса с разных сторон, и меня вывели во двор.

Там лежали обглоданные кости Цирана.

Заря еще не занималась.

Вдали слышался вой волков.

4

Кончил шорагялец Аво свой рассказ, и речь зашла про волчью стаю.

Долгие зимы да скудное пропитание — вот причина, почему волки сбиваются в стаю, — объясняли мне сельчане.

Воют они, скликают друг друга, собираются, объединяются, чтобы стать посильнее, и когда сами нападают, и когда другим отпор дают.

Одиночке зимой куда проще оказаться побежденным и пропасть, чем целой стае, да и урвать, то, что удастся раздобыть стае, одному тоже не под силу.

Вот и собираются волки вместе — полсотни, сотня, а то и несколько сотен.

Ужас, что такое волчья стая, и тем более зимой, в самую голодную для волка пору, когда волки зачастую даже бесятся с голоду. В такое время, говорят, они сами друг друга боятся. Остановится стая на отдых, волки образуют круг, и каждый ложится так, чтобы всех других видеть — не доверяют один другому, каждый боится, как бы его не съели. Правда, некоторые говорят, что волки, дескать, для того образуют круг, чтобы друг дружку видеть и, если понадобится, знак подать и будто все на вожака смотрят.

Темень, трудная дорога, дальние расстояния — все это волку нипочем.

Волк до того на ногу легок, что за ночь столько отмахать может, сколько конь дня за три-четыре еле одолеет. А про волчью зоркость есть в народе такая притча.

Поспорили, говорят, как-то волк да орел, у кого глаз острее. Волк и говорит: «Однажды в пасмурный день взобрался я на вершину горы, глянул вниз сквозь тучи и увидел, что на дальнем поле на черной вспаханной земле в борозде черный ягненок лежит».

Орел ему в ответ: «А я взлетел в поднебесье, глянул вниз и через дымоход увидел, что на огне котел стоит, крышкой закрыт, да неплотно, я и разглядел через щелочку, что в котле молоко, а в молоке белый волос плавает...»

К тому же волк — хитрющий зверь!..

Пока не разнюхает наверняка, что не опасно напасть—не нападет. Другое дело, если он с голоду взбесился и, очертя голову, лезет на рожон, но обычно волк куда как осторожен и хитер.

Один крестьянин такое рассказал: ставил,— говорит,— я капканы на зверя. Пошел однажды рано утром, вижу — волк попал в капкан. Попал одной ногой, ногу раздробило, и помер он. Вытащил я его из капкана, бросил в сторонку, сам головы не поднимаю, с капканом вожусь. Глядь, а он вскочил, да как припустит в лес, волоча ногу. Я было за ним, кричу, да где там, он уж в лесу скрылся. Оказывается, волк нарочно мертвым прикинулся.

А если волчья стая зимой в дорогу пускается, то все идут друг за другом, след в след, и впереди всегда самые сильные и опытные. От этого стае двойная польза. Перво-наперво, те, кто впереди идут, колею, тропку протаптывают, и для тех, кто сзади, дорога готова, ровная да гладкая. А другая польза — никто узнать не сможет, сколько волков было. И по этой самой причине ни один охотник никогда сказать не может, сколько волков было в стае, которая здесь прошла.

Боже сохрани, если стая завидела какую ни на есть добычу! Будь это другой зверь или домашняя скотина, все равно — окружают со всех четырех сторон и уж тут спасенья нет. А копытных, особенно косуль и оленей, гонят на замерзшие реки. Те на льду скользят, падают, а волки на них набрасываются. Или еще гонят к высоким утесам: сбросят вниз, потом спустятся и жрут.

Волчья стая и для человека опасна. Если людей немного, один там или двое, стая их не боится, даже если при них и ружье есть. С ружьем-то, пожалуй, еще опаснее: стоит только выстрелить — сразу всей стаей накинутся.

— Чем же волк все-таки боится? — скажете вы тогда.

Об этом сельчане тоже рассказали несколько историй.

— Больше всего волк боится огня, — сказал дядя Андриас. — В наших краях, как вы знаете, волков много. У нас тут есть такое место — настоящее волчье логово. Лес наш называют Моткора. В этом лесу есть падь, а в ней столько волков, что ее так и зовут: Волчья падь.

Однажды вечером, в начале зимы, я возвращался домой с горных стойбищ. Как на грех, со мной был мой сын Степан, тогда десятилетний мальчик. Только поравнялись мы с Волчьей падью, слышу — собачий лай. Думаю: верно, пастухи овец сюда пригнали, овчарка лает. Подал голос:

— Эй, чабан, эй!..

Только крикнул, собачий лай сразу оборвался, и — гляжу — из леса, разинув пасти, бегут волки!.. У меня в глазах потемнело.

Вы подумайте, это лаял волк! Волк не только воет, он у собаки лаять научился.

В руках у меня ружье, но я знаю, что по волчьей стае нельзя стрелять. Выстрелишь, они еще бешеней становятся.

— Что это, апи? — спрашивает сынишка.

— Не бойся, — говорю, — будь молодцом.

Быстро собрали мы в кучу валежник, и я его поджег. Моткора полна дров. Прежде чем волки подошли, пламя поднялось до верхушек деревьев.

Окружили нас волки со всех сторон, но близко не подходят. Рычат, зубами щелкают. В лесной тьме глаза у них, как фосфор, горят — зажигаются попарно. Мальчик припал ко мне, плачет.

— Не бойся, Степан-джан, не бойся, я с тобой. Не плачь, если будешь плакать, съедят нас волки.

Мальчик замолк, но держится за мою полу и дрожит, дрожмя дрожит.

— Боже милостивый, — молю, — избавь нас от этой беды.

Что делать? Вся надежда на огонь, но веток становится все меньше, а ребенок крепко ухватился за меня, не дает ни на шаг отойти.

Рядом стояло засохшее дерево. Подгреб я к нему свой костер, подбросил сухих веток и щепы.

Вспыхнули они. Красным заревом озарилось все ущелье. Пастухи заметили огонь. Говорят: «Что это за

огонь, братцы, в позднее время в ущелье?.. Вот-вот весь лес загорится».

Стали кричать.

Прислушался я — голос нашего Шамира.

Зову:

— Шамир, э-эй!.. Волчья стая... окружила... Мальчик со мной... Помогите, эй!..

Услыхали. Сразу ответило несколько пастухов:

— Не бойтесь, не бойтесь, идем, э-эй!..

И мы ясно слышим, как они торопят друг друга, как кличут собак.

— Тоблан, эй! Хайтар, эй! Чамбар, эй! Чалап, эй!..

Собаки подняли лай. Слышу, он уже в самом ущелье раздаётся.

Тут мой мальчик снова принялся дрожать и плакать.

— Не бойся, Степан,— говорю, —не бойся, сейчас придут...

Была, ребята, у нашего Шамира собака — волкодав Тоблан. Слышу, Тоблан совсем близко в лесу залаял. Потом раздался лай других собак и послышались голоса пастухов. Лес наполнился звуками. Вдруг мой Степан как завопит:

— Апи, волки убегают!..

Стал я тут кричать и бросать в волков ветки, камни, комья, землю.

А волков и след простыл. Сгнули в лесной тьме, ушли.

Тут ребята подоспели.

— Эй,— говорят,— что тут таксе стряслось?

— То и стряслось, храни бог ваш дом — так вот и так.

Отправились мы к пастухам, пробыли у них, пока не рассвело.

Утром с пастухами вернулись домой.

— Вот как спас огонь,— закончил свой рассказ дядя Андриас.

6

— Уста Саркис, теперь твоя очередь,—сказал один из крестьян,— расскажи, что с тобой было, когда ты шел из Шорагяла.

— Ну, чего там рассказывать, вы ведь знаете,— ответил Саркис.

— Мы-то знаем, да вот гость не знает.

— Расскажи, уста Саркис, расскажи, послушаем, что было с тобой на Шорагяльской дороге.

Уста Саркис был зурначи. Он сидел, развалившись, и посасывал трубку. Выпрямился и начал свой рассказ:

— В одну неурожайную осень поднялись мы: я, дамкаш Акоп и доолчи¹ Давид—взяли наши зурны и доол и сказали: «Пойдем в Шорагял по селам, на свадьбах играть, зерно соберем, будет чем зиму прожить».

Вы сами знаете, в Шорагяле хлеба много, и это добрый хлеб, а у нас в горах его мало, да и урожай частенько градом побивает.

Шли мы из села в село, играли на свадьбах. И пшеницы и ячменя набрали порядком, оставили одному знакомому на сбережение, а сами домой отправились.

Не знаю, бывали ли вы в Шорагяле? Там есть одно село — Ором. Вышли мы из этого села, идем в Артик. Дорогой поднялся ветер. Снег по колени, а мороз ножом режет лицо. Впереди шел Давид. Вдруг он кричит:

— Ребята, село!

— Ай, царень, где?

— Вон,— говорит,— видны огни.

Поглядели— и правда—вдали много огоньков. Только вижу я—огоньки эти движутся.

— Ребята,— говорю.

— Что?— спрашивают.

— Не деревня,— говорю,— это. Первое дело — зимой в деревнях и двери и крыши закрыты, огней не видно, а второе — движутся эти огоньки.

А они:

— Что же это тогда такое?

— Волки,— говорю.— Волчьей стае прямо в зубы угодили, приготовьтесь. Слыхал я, что, когда на зурне играют, волки звука этого боятся—близко не подходят. Готовьте инструменты.

— Пока говорили об этом, видим—огоньки приближаются. Горят в темноте, бегают по всему снежному полю, окружают нас. А набезало их — не перечесть.

Мы с Авоном заиграли на зурнах, Давид взялся за

¹ Дамкаш, доолчи—музыканты, играющие на зурне и дооле.

доол. И пошло — среди ночи, в диком и безлюдном поле играем вовсю!

При первых же звуках зурны и доола волки остановились, словно их к месту пригвоздили, а потом завыли — но как! — стоят и воют под зурну...

— Смех, да и только, — слышалось со всех сторон. — Хорошо еще, что смех вас не разбирал.

— Какой уж там смех! Душа от страха почернела, нож воткни — капли крови бы из нас не вышло.

— А дальше? Дальше что?

— Двинулись мы — волки за нами. Идем, дудим, а они трусят вокруг нас, точно пляшут.

Ну, да что лишнее говорить: шли мы так, шли, наконец, услышали издалека собачий лай. Вскоре показались огоньки — деревня. Услышали мы голоса людей.

От радости еще пронзительнее заиграли на зурне и дооле.

Чем ближе к селу, тем больше отступают волки. Наконец, совсем отстали, исчезли.

Сельчане шумно, с огнями, высыпали нам навстречу и остановились в удивлении.

Видят — двое зурначей и один доолчи идут, играют, а свадьбы нет...

— Э, — говорят, — мастера-музыканты, а где же молодые? Народ-то где?

Мы говорим: ушли они, назад вернулись. Не захотели в ваше село идти.

— Это кто же такие были?

— Волки...

— Как волки?..

— Братцы, — говорим, — нам не до рассказов, замерзли, умираем, отведите нас в дом, в тепло, тогда все расскажем.

Отвели нас в теплую оду¹, принесли поесть, собрались все, стали мы им рассказывать. Рассказываем, а сами смеемся, рассказываем и смеемся...

А потом уж узнали, что попали не в то село, куда шли, сбился с пути, пришли в деревню Парни.

¹ Комната при хлевсе.

— Вы вот об огне да зурне рассказываете, но волк еще одной вещи боится. И знаете какой?— сказал один из слушателей.

— Веревки!

— Как это так веревки?..

— Да, это правда,— подтвердил дядя Андриас,— если волочить за собой веревку, волк побоится, не подойдет.

— Ну, что такое веревка, может ли веревка волка испугать?

— За змею он ее принимает или еще за что...

— Был у нас в селе один молодой парень по имени Ехо,— начал рассказывать шорагялец Аво.— Смелый и храбрый парень. К лицу шашку поднеси — глазом не моргнет. Как-то зимой, года четыре назад, отправился он по делам в соседнюю деревню и задержался на несколько дней. Ребенок у него был, и любил он его до смерти. И вот однажды вечером присылают весточку: заболел твой ребенок, тебя хочет видеть. Он встал, собрался — еду, мол. Его удерживают, уговаривают: ночь, темно, тысяча всяких бед может приключиться, волк опять же или другой зверь встретится. Подожди, говорят, всякая ночь рассветом кончается, рассветет, тогда поедешь, увидишь ребенка. А он уперся на своем — нет и нет, сейчас еду. Шашка со мной, конь подо мной, что может случиться? Не сумели переупрямить, поехал. На полпути окружает его волчья стая, а у него в руках веревка, и человек он опытный, знающий. Взял распустил веревку и волочит по земле за лошастью. Волки не подходят: смотрят на веревку и бегут с обеих сторон. Так он ехал довольно долго. Вдруг в одном месте — как случилось, неизвестно — упустил он веревку, и она упала на землю. Пришпорил Ехо лошадь. Проехал он еще немного, а волки уже нагоняют. Выташил шашку, хватать первого... Ну, вы знаете обычай волков: если один ранен, на него набрасывается вся стая. Бросили сздока и накинулись на своего раненого. Ехо подхлестывает лошадь, гонит, далеко уже вперед уехал. А волки покончили со своим и пустились за всадником... Хочет Ехо снова вынуть шашку, тянет, тянет — застряла! Видит — настигают волки. Начинает грызть ножны зубами. Как он ни бьется, не выходит шашка! Оказы-

вається, когда он ударил волка, не отер с клинка кровь, так и сунул назад, клинок и примерз к ножнам.

Напали волки и съели — и человека, и лошадь.

Услышали мы об этом на другой день, пошли, на окровавленном снегу нашли кости, тут же и шашка валялась, и изодранная одежда, все было разбросано.

— Откуда же узнали подробности? — спросил один из крестьян.

— Для чего же тогда человеческий ум и опыт? Пошли, увидели. Следы на снегу ясно говорят, откуда человек ехал, где его окружили волки, где он размотал веревку, до каких пор он ее волочил, где она у него из рук выскользнула. Еще немного прошли, видим: следы смешались, перепутались и валяются волчья шерсть да кости. А много дальше и то место нашли, где и Ехо и лошадь съели. И шашку мы принесли, видим — ножны человеческими зубами искусаны. Дергали, дергали, не могли вытащить. Дали мастеру, он разломал ножны, вынул шашку, видим — она в крови, к ножнам прилипла.

— Да, жаль человека, — посочувствовали слушатели. — Вот потому-то и говорится: терпение — это жизнь. Ну, подождал бы, человек божий, пока рассветет.

8

— Сдается мне, ребята, нет зверя вреднее волка. Что скажете? — заговорил один из сельчан после этого рассказа.

— Так оно и есть, так и знайте, — подтвердил дядя Андриас и обратился ко мне.

— А ты как думаешь, господин?

— И я так же думаю, — ответил я. — И из книг известно, что ни один зверь не приносит человеку столько вреда, сколько волки, особенно в тех странах, где главным образом занимаются скотоводством. В любом государстве волки немалый ущерб причиняют. Только в России почти миллион голов скота уничтожают ежегодно.

— А чего же те государства про то не думают, выхода не ищут? — прервал меня один из крестьян.

— Как же не думают? Есть государства, где особое вознаграждение выдают за убитого волка. По всем правилам, постоянно уничтожают волков. Потому есть и

такие страны, где волков больше не осталось — Англия, к примеру, или Германия...

— Ва!..— удивленно воскликнули сельчане.— Как же это?.. Так-таки и нет теперь волков в тех странах?

— Нет...

— Вот это страны!.. Скот свой оставляй свободно, сам иди себе, куда хочешь...

— Есть и такие государства,— продолжал я,— где наперечет известно, сколько волков у них в стране, пять там или шесть...

— А это еще как же?— изумились сельчане.— У нас и люди-то не считаны, а они и волков пересчитали...

— Вот ты говоришь: волков изводят под корень... А как это делают?— спросил один старик по имени Саак.

— По-разному, дядюшка Саак. Как я уже говорил, государство выдает особое вознаграждение или награду за каждого убитого волка. Ну, охотники и стараются убить их побольше, чтобы денег побольше получить. Есть даже особые общества, специально для охоты на волков. А есть и такие страны — Испания, например,— где, если правительство не заплатит тому, кто волка убил, так народ сам заплатит. Охотник положит убитого волка на осла или лошадь и возит из села в село, собирает деньги с владельцев скота. И все охотно дают.

— Нет, я не об этом спрашиваю. Я про то, чем их убивают... Как их изничтожают?

— А, так ты вот о чем. Скажу, дядюшка Саак, и об этом скажу.

— Как волка из ружья убивать или капканами ловить, вы, ясное дело, знаете. Кроме ружей да капканов в некоторых местах роют глубокие ямы, к примеру, сажени в полторы глубиной и в сажень шириной, прикрывают хворостом, присыпают золой, а сверху кладут мясо, да огораживают со всех сторон, чтобы волк прыгнул через изгородь, да в яму и угодил. Ну, конечно, этим способом многого не добьешься.

Есть и такие места, где люди собираются всем миром, отправляются в лес, окружают определенный участок. Охотники с ружьями наготове оцепляют его с трех сторон, а с четвертой стороны в лес входит целая толпа и выстрелами, шумом, криками, собаками, гонят зверя прямо на охотников. Но это только в лесистых местностях делают, да и этот способ тоже особых результатов

не дает. Случается, что шуму-грому много, а объявляются всего-навсего один или два зайчишки. Бывает так, что волки выбегают, да тут же убегают невредимыми и спасаются. Очень мало их так убивают.

В снежных полях России на волка еще так охотятся — гонятся за ним на коне. Волк в глубоком снегу увязает, бежит с трудом и быстро устает. Тут его нагоняют и убивают на месте ударом дубинки, но больше всего волков отравой морят. Свежую дохлую овцу, на мясе надрезы делают, ядом посыпают, потом снова шкуру на нее натягивают и бросают ночью в поле. Голодные волки понабегут, поедятся, да тут же на месте и околевают.

9

— Оно, конечно, волк—зверь, и человеку от него вреда много, а только рассказал ты все это и, что таить,— жалко мне его стало,— сказал старый Саак.

— Да разве волка жалеют, дядюшка Саак!— отозвался один пастух.

— А как же? Будто волк—не живое существо?— заспорил Саак.

— А что? Волк — животное вроде нашей собаки,— взял слово дядя Андриас.— Точно, как собака. И собаку, ежели в голую степь выбросить, оставить голодной да бездомной, преследовать всячески,— тоже ведь одичает, станет вроде волка. И опять же, если голодного, дикого волка взять в дом, кормить досыта, оберегать, ухаживать за ним — и волк приручится, станет домашним животным, вроде собаки.

— Разве волк станет домашним, дядя Андриас?

— Еще как! Даже и нередко такое случается. Поймай волчонка, принеси, приучи к дому, вот и увидишь, станет он домашним или не станет.

— А отчего же тогда говорится: как волка ни корми — все в лес тянет.

— И это верно. Одно поколение в лес тянет, два тянет, и все-таки мало-помалу волк про лес забудет и станет домашним, вроде собаки. Он ведь одного рода с собакой. И устроен волк так же, как собака, в детенышей приносит раз в год и тоже от 3 до 10 за один раз, а обычно четверых — шестерых. Как собака роет себе

логовище види: находит укромный уголок и там щонится и выкармливают щенят, так и волчица—или в земле логово роет, там рождает и растит волчат, или в дупле поваленного дерева или прямо в глухом месте в зарослях. И любит волк своих детенышей так же, как всякая рожающая тварь. Стоит ему почуять опасность—сейчас же осторожно и бережно перетаскивает волчат, где побезопаснее. И сроду волк поблизости от своего логова не охотится и людям не вредит, чтобы не навлечь подозрений на это место.

И волчица помельче волка, как то и у собак бывает, морда у нее поострее и хвост потоньше. Бывает, что и волки бесятся, как собаки. Бешеного волка страшно боятся все дикие животные и в ужасе от него разбегаются.

Наконец, волк, как и собака, живет лет двенадцать-пятнадцать. Дольше живут очень немногие, как и собаки.

Словом, совсем одинаковые животные, только одни ухоженные да сытые, а другие дикие да голодные. А голод... Голод, милые мои, что хочешь сделает. Голод и человека чудовищем делает, что уж говорить о лесном звере...— закончил дядя Андриас.

— Верно говоришь, дядя Андриас,— сказал я.— Это у нас нет такого обычая, а есть страны, где люди ловят диких зверей и приручают их, дрессируют. Один человек изловил двух волчат и держал дома. За короткое время они так обжились, одомашнились, что свободно играли дома со всеми и спали вместе с собакой в ее конуре. Прошло сколько-то времени, один из них окошел. Оставшийся волчонок долго не играл и не ел, как следует. Лежал грустный, горевал и выл. Постепенно утешился, конечно, и снова стал резвиться. Вырос он и так,— говорит тот человек,— к нам привязался, что всегда ложился там, где мы сидели, и никого не поджужгал. Мы побоялись, как бы волк вреда не причинил людям, сначала на цепь его сажали, а после продали одному бродячему зверинцу. Прошло с тех пор года полтора или два, точно не помню,— встретился мне тот зверинец в одном городе. Я заинтересовался, вошел. Погляжу, думаю, жив ли мой волчишка или нет. Вошел, спрашиваю. А он, оказывается, совсем близко в клетке лежал. Как услышал мой голос, вскочил—узнал меня. Обрадовался донельзя, и уж что он выделывал, что делал, вы и представить себе не можете! Старался ко мне

подойти, вилял хвостом, скулил, метался по клетке. Мне тоже показалось, что повстречал я близкое, родное существо, и уходил я с чувством какой-то боли.

Что скажете на это? Вот вам действительный случай... Верно говорит дядя Андриас: волк такое же животное, как собака, только дикое, преследуемое и голодное.

Было уже полночь, когда подошла к концу наша беседа. На дворе то лаяли, то долго и заунывно выли собаки.

— Бродит, окаянный, вокруг села, никак не уходит. Так и не уймется этой ночью, пока не навредит.

— Ну, ребята, будьте начеку, не упустите скотину в волчью пасть,— сказал дядя Андриас односельчанам, которые один за другим желали нам спокойной ночи и расходились по домам.

На дворе кто-то из них громко и протяжно крикнул: «Э-эй-эй!»—и все собаки, сколько их было в селе, начиная с самой дальней околицы, залаяли и завывали пуще прежнего.

Голодный волк бродил вокруг села.

1

Были мы кучкой дружной детворы. Детворы деревенской. Не было у нас ни школы, ни уроков, никто нас не воспитывал. Предоставленные самим себе, мы только и делали, что играли. И как играли! И как любили друг друга! Как свыклись друг с другом!

Проголодавшись, бежали домой, брали из поставца ломтик хлеба, а из караса¹ кусочек сыру и снова спешили друг к другу. По вечерам собирались, шумели, болтали, рассказывали сказки.

Был среди нас один паренек по имени Несо. Сколько сказок он знал, сколько сказок — не было им конца-краю!

В летние лунные вечера усаживались мы на бревна возле нашего дома и зачарованно смотрели на хорошевшее от воодушевления личико Несо. Рассказывал он про гури-пери, про изумрудную птицу, про светлое царство и про темное царство...

— Несо-джан, Несо, а теперь про слепого царя расскажи... про птицу попугая... про плешивого и безволосого...

2

Случилось так, что в нашем селе открыли школу.

Отдали меня в школу и еще двадцать-тридцать ребят. За каждого малыша надо было платить по три рубля в год. И многие сельские ребята, роди-

¹ Глиняный сосуд (Пер.).

тели которых не могли платить столько денег, остались вне школы. Вне школы осталась и большая часть моих товарищей по играм, в том числе и Несо.

Разлучили нас впервые, и разлучили школа и учитель. Впервые мы поняли, что одни из нас — имущие, другие — бедные.

С тех пор все еще раздается в моих ушах плач Несо, он катался по земле во дворе своего дома и вопил:

— Я тоже хочу в школу!

И все еще звучит в моих ушах голос его отца:

— Нету, нету же, чтоб тебе пусто было! Где мне взять? Будь у меня три рубля, купил бы хлеба для вас — вот сидите, разинув рты. Нету!..

Несо и другие мои сверстники, не попавшие в школу, собирались у ее порога, глядели на нас с тоской. Учитель отгонял их от здания школы. Он не позволял нам играть с ними, даже во время перемен, говорил, что посторонние не имеют права играть со школьниками. И они садились у школьной стены и ждали, пока кончатся уроки, чтобы вместе с нами пойти по домам.

Постепенно, в первый же школьный год у меня появились новые товарищи. Несо и прочие мои сверстники, оставшиеся вне школы, к концу года уже не дожидались нас возле школьной стены.

3

В нашей сельской школе я учился два года, а потом отец отвез меня в уездный городок и отдал там в училище.

То был уже совершенно иной мир. Дома белые с красными крышами. Школа большая и красивая. И учитель был не один, как в селе, было у нас несколько учителей и даже учительниц. Женщина — учитель... Это было для меня новостью, — новостью удивительной, однако очень приятной.

Соответственно требованиям новой среды изменили и мою одежду. Меня одели в опрятную, красивую форму ученика городской школы — и, преобразившись на такой манер, я приехал на праздничные каникулы в родное село. Несо и другие старые товарищи узнали о моем приезде, с утра появились они возле нашего дома и по-

глядывали в щели. Я вышел к ним, не помню, как мы поздоровались, запомнил только, что былой близости и простоты не почувствовал. Прежде всего они обратили внимание на мою одежду. Несо даже сострил, намекая на мою коротенькую ученическую блузу:

— Точно сорока бесхвостая!..

Все засмеялись. Меня это сильно задело, но я не показал виду. Потом Несо провел рукой по моей одежде, а вслед за ним ее потрогали остальные, удивляясь, что одежда такая мягкая. В тот день я впервые заметил, что на них одежда была грязная и изодранная. Да и вообще все село наше показалось мне бедным и грязным.

4

Прошло еще два года, и отец отвез меня в большой город и отдал там в другую, еще бóльшую школу. Когда я приехал оттуда на каникулы, мои бывшие товарищи по играм, ставшие теперь взрослыми парнями, пришли поздороваться со мной вместе с крестьянами и с ними вместе отошли в сторону и стали поодаль. Мы беседовали, и когда друзья по сельской школе спросили меня — помню ли я, как мы учились вместе, вдруг заговорил и Несо:

— А помнишь, как мы сказки рассказывали по ночам, сидя на бревнах у ваших ворот?..

— Как же не помнить! Неужто могу я забыть? Ведь это одно из лучших воспоминаний детства, — ответил я.

Несо, казалось, обрадовался, но все же остался чужим и далеким.

А когда настало время мне возвращаться в город, вышло так, что лошадь наняли у отца Несо. Несо должен был пешком следовать за лошадей. Когда же мы пустились в путь — я верхом, Несо, одетый в лохмотья и обутый в дырявые лапти, пешком, — мне стало очень тяжело. Проехав немного, я сказал, что предпочитаю идти пешком, и слез с лошади. И весь дальнейший путь мы шли пешком или поочередно садились на коня. Несо был этому рад, но, как я заметил, он приписывал мое поведение не моим добрым чувствам, а глупости. Я огорчился, но еще большее огорчение ждало меня впереди.

Дорогою мы сделали привал и закусили. Достали арбуз, его нужно было разрезать, и я передал Несо свой

карманный ножик. Собираясь снова в путь, я заметил, что ножик исчез. Несо уверял, что он вернул мне ножик, что я положил его в карман. Я отлично помнил, что он не возвращал мне ножика, но все же пошарил по карманам, ножа не нашел, и мы двинулись дальше. Я знал, что он присвоил ножик,— впоследствии его видели у Несо. И, продолжая путь, я испытывал тяжелую душевную боль,— и, конечно, не оттого, что потерял нож. Я лишился более дорогого и ценного,— и этого не мог понять Несо...

Когда мы добрались до места назначения и Несо нужно было возвращаться, я купил ему в подарок материи на архалук и отдал ее сверх платы за лошадь. В ответ он сказал мне:

— А на чай не дашь?

Мне стало очень стыдно. Я дал ему и чаевые. Но всякий раз, когда я вспоминал дни моего детства, лунные вечера, восседающую на бревнах деревенскую детвору и Несо, рассказывающего сказки,— сердце мое наполнялось болью и жалостью.

5

«Несо беден... Несо неуч... Несо подавлен невзгодами деревенской беспросветной жизни... Будь он обучен, воспитан и обеспечен — из него вышел бы хороший человек, быть может, и лучше меня...»

Так я думаю теперь, вспоминая Несо, и стараюсь оправдать, возвысить и снова полюбить Несо так, как я любил его в детские годы. Хочется мне, чтобы в моей памяти, в моих мыслях всегда сохранялся образ Несо тех мирных, лунных, звездных ночей,— но не удается это, не выходит! Сейчас же возникает перед моим взором другая картина — постыдная и гнетущая.

Окончив учебу и выйдя в люди, я еще раз посетил родной уголок и пришел на сельскую площадь. Там было шумно и людно. Посреди площади, крепко привязанный веревкой к столбу, стоял, опустив голову, Несо.

На мой вопрос ответили, что он наказан за воровство. Я вступился за Несо и его отпустили. Но из памяти своей я не могу изгнать эту картину—Несо стоит

